

Первыми выходят дамы...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» Индекс 70448 Цена номера 15 коп.

КРОКОДИЛ

№ 32 (2186)

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, А. Бавыкин, В. Владов, Б. Воробьев, Е. Гаврилин, В. Григорьев, Л. Самойлов, Л. Сойфертис, В. Спельников, В. Ступин, В. Тильман, Ю. Черепанов.

НАШ АДРЕС:
101455,
Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Сдано в набор 18/X 1976 г. А 06026. Подписано к печати 26/X 1976 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 696 800). Изд. № 2770. Заказ № 2992.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

СССР

КРОКОДИЛ

КАЗАХСТАНСКИЙ КОЛОСС

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

№ 32 НОЯБРЬ 1976

НА СЪЕЗДОВСКОЙ ВОЛНЕ

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

КУВАЛДОЙ ПО ВРЕМЕНИ

«Резкое сокращение доли ручного труда, комплексная механизация и автоматизация производства становятся непременным условием экономического роста».

(Из материалов XXV съезда КПСС).

— А ведь вы дипломированный автомобилист, Киреев,— сказал мне редактор, на что я — скромно:

— Ну что вы! Правда, некогда я кончил автотранспортный техникум, но специалиста, как видите, из меня не вышло. Потерянное время!

Редактор оживился.

— Это как раз то, что нам надо. Именно время — потерянное время — и интересует нас. С авторемонтными предприятиями сталкивались?

— Ну разве что во время преддипломной практики.

— Чудесно! Езжайте в Пензу на завод, где ремонтируют грузовики для сельского хозяйства. У нас есть сигнал, что как раз со временем там не все благополучно. Имеются утечки. Разберитесь и напишите.

И я поехал, захватив с собой в качестве учебного пособия томик Марселя Пруста. Восстанавливая минувшее время, великий француз умудрился отгрохать несколько томов густой прозы. Но там утонченные аристократы с частицей «де», там художественные салоны и философские искания, а тут! Карбюраторы, задние мосты, втулки и вкладыши...

ЧИСТИЛИЩЕ

Оно начинается на асфальтированном пятачке у проходной завода. Именно здесь вершит свой суровый суд Анна Яковлевна Коноваленок, женщина бравая. Должность? Официально — мастер ОТК, неофициально — приемщица, сама же Анна Яковлевна классифицирует занимаемую должность по-другому:

— Лаюсь всё...

Причем, заметьте, что происходит это при любой погоде под открытым небом. По-бурлацки ухнув, поднатужившийся шофер и механик пытаются вручную закатить доставленную ими на ремонт машину, но Анна Яковлевна, несмотря на дождь, проявляет бдительность.

— Только своим ходом. Согласно инструкции.

— Так она и идет своим. Слышите? — и шофер, набычившись, имитирует звук работающего двигателя.

— Клапаны у тебя стучат,— на слух ставит диагноз мастер Коноваленок, — и коренной барахлит.

Но клапаны и коренной — это еще не проблема. Кабины — вот камень преткновения. Уже два года горьковский автогигант не поставляет их, решив, что раз снят с конвейера доброй памяти «ГАЗ-51», то и надобность в кабинах отпала. А этих «газонов» вон еще сколько бегает по родной земле, и сгинут они не скоро.

Вместе с Анной Яковлевной подхожу к претендующему на капитальный ремонт грузовику, берусь за ручку дверцы, но грозный оклик «Не трожь!» останавливает меня.

— Потрогать, что ли, нельзя?

— Если все трогать начнут, она рассыплется. А рассыпанные тут не принимают.

— Их нигде не принимают. Это кабина разве? — И Анна Яковлевна, ткнув пальцем, оставляет в трухлявой жести неправильной формы отверстие.

— Но ведь вы капиталку делаете,— канючит шофер.

— Ну и что, что капиталку! А кабин нет. Ясно тебе — нет. Езжай и доставай где хочешь. Иначе не примем.

Спорить бесполезно. Непостижимым образом заведя инфарктный мотор, шофер убывает в неизвестность. Через день, через два, а то и через неделю он прибывает с запасной кабиной на шасси. От пальца в ней тоже остается дырка, но из двух дышащих на ладан кабин заводские умельцы создадут одну, которая при благоприятных обстоятельствах выдержит даже разумных размеров град. Работа эта филигранная и долгая, как сочинения Пруста, поэтому пусть в моих поисках утраченного времени — это первая крупная находка.

ЛОНЖЕРОН И КУВАЛДА

Во дворе, жужжа лебедкой, автомобиль бодро растаскивают на части. После чего двигатели уходят в моторный цех, и на это их путешествие требуется изрядное время, ибо означенный цех расположен не просто далеко, а в другом административном районе области. Не стану описывать злоключения, с которыми сталкиваются хозяйственники и руководство завода, пытаясь держать под неусыпным оком обе территории завода. Лично я добирался на перекладных с одной на другую больше часа...

Итак, двигатели уплывают на далекую территорию, а мы в сопровождении главного инженера завода Николая Васильевича Мезенцева входим в цех. И тут я вижу нечто такое, что пробуждает в моей памяти слова: минувшее меня объемлет живо... Кувалда, она самая, подруга дней моих суровых. Суровых потому, что эта пудовая штуковина ни у кого из нас, студентов конца пятидесятых годов, не вызывала особого энтузиазма.

— А ничего! — говаривал Модест Сергеевич, руководитель практики.— Смотрите и трогайте! Прощайтесь. Через три года разве что в музее увидите.

Минуло без малого два десятилетия и — вот она!

— Раз! — размахивается и бьет слесарь Владимир Тамаров, а Николай Храмов обеими руками держит зубило.

— Два! — размахивается и бьет слесарь Владимир Тамаров...

— Три!..

И так до сотни ударов — по числу заклепок. Цветной хоккей с доставкой на дом, лазерная хирургия, неуловимая частица в сверхмощных ускорителях — а тут бригада, смену напролет размахивающая кувалдой. В пять ее сменит другая — до двенадцати. Единственный на заводе участок, где вкалывают в две смены.

— На всех авторемонтных заводах так,— поясняет на всякий случай и. о. начальника цеха Аркадий Павлович Шамаев.

На всех! А вы знаете, читатель, сколько их в стране? Трудно найти область, где не функционировала хотя бы пара таких заводов. И всюду: раз — ух! два — ух! Технической же мысли все еще недосуг поколдовать над механической расклепкой. Сколько прикажете приплюсовать в нашем с вами реестре потерянного времени?

ТОНЯ ЛАРИНА КОНКУРИРУЕТ С ИНДУСТРИЕЙ...

...и делает это на токарно-револьверном полуавтомате. Конкуренция, как вы понимаете, не на равных, но как быть, если эта самая индустрия недопоставляет болтов, а без них завод не продышит и минуты? В четыре раза дороже обходится каждый такой кустарный болт, зато не простаивает Виктор Белов, собирающий узлы заднего моста. Собранные узлы идут к слесарю Макарову, а слесарь Макаров проворно разбирает их, поскольку узлы не прокручиваются. Непрокручивание узлов происходит из-за некачественных деталей.

— Это еще что! — говорит главный инженер Николай Васильевич.— Вот побываем в моторном...

Но мне не хочется уходить, меня душат, как поют в романсах, воспоминания. Витя Липницкий, ты помнишь ту коробку передач, которую под бдительным оком преподавателя я собирал, а ты разбирал, потом наоборот? И вот теперь эту милую моему сердцу картину я увидел в Пензе, разве что предавались данному занятию не подростки, а асы, проевшие зубы на ремонте машин. Знаешь ли ты, Витя, сколько стоит каждый час их рабочего времени? А нам с тобой, помнишь, даже стипендию дали одну на двоих ввиду не совсем удовлетворительного поведения...

С КОНВЕЙЕРА — НА РЕМОНТ

Собственно, ничего принципиально нового в моторном я не увидел. Царапкин собирал двигатель, Евсеев разбирал его, потом Евсеев собирал, Царапкин разбирал и т. д. А что делать, если после обкатки выясняется, что масло то ли совсем не подается, то ли прет без удержу?

— Вкладыши? — грамотно спросил я.

— Вкладыши,— вздохнув, ответил начальник моторного цеха Николай Миронович Зотов.— Хотите, сами сделайте контрольный замер.

В груди екнуло: сумею ли? Но надо было отстаивать престиж родного техникума, и я согласно кивнул. На измерение ушло несколько тщательных минут. Индикатор показал отклонение в восемнадцать микрон — цифра чудовищная. Измерить же все вкладыши, которые поставляет Мелитопольский завод «Автозапчасть», невозможно. Иногда, правда, сажают работников ОТК, но и они, работая в четыре руки, зашиваются.

На Курском заводе «Автозапчасть» есть свой ОТК, но тем не менее высококвалифицированный слесарь Николай Васильевич Горбунков специализируется здесь, в Пензе, на ремонте новых блоков, которые изготовляет этот завод. На каждый уходит примерно сутки. А из последней партии в семнадцать штук только четыре обошлись без ремонта. И на заводе не удивляются даже тогда, когда в цех поступает ящик новых запасных частей, на котором выведено тревожной красной краской «брак».

— Но почему вы не применяете санкции?

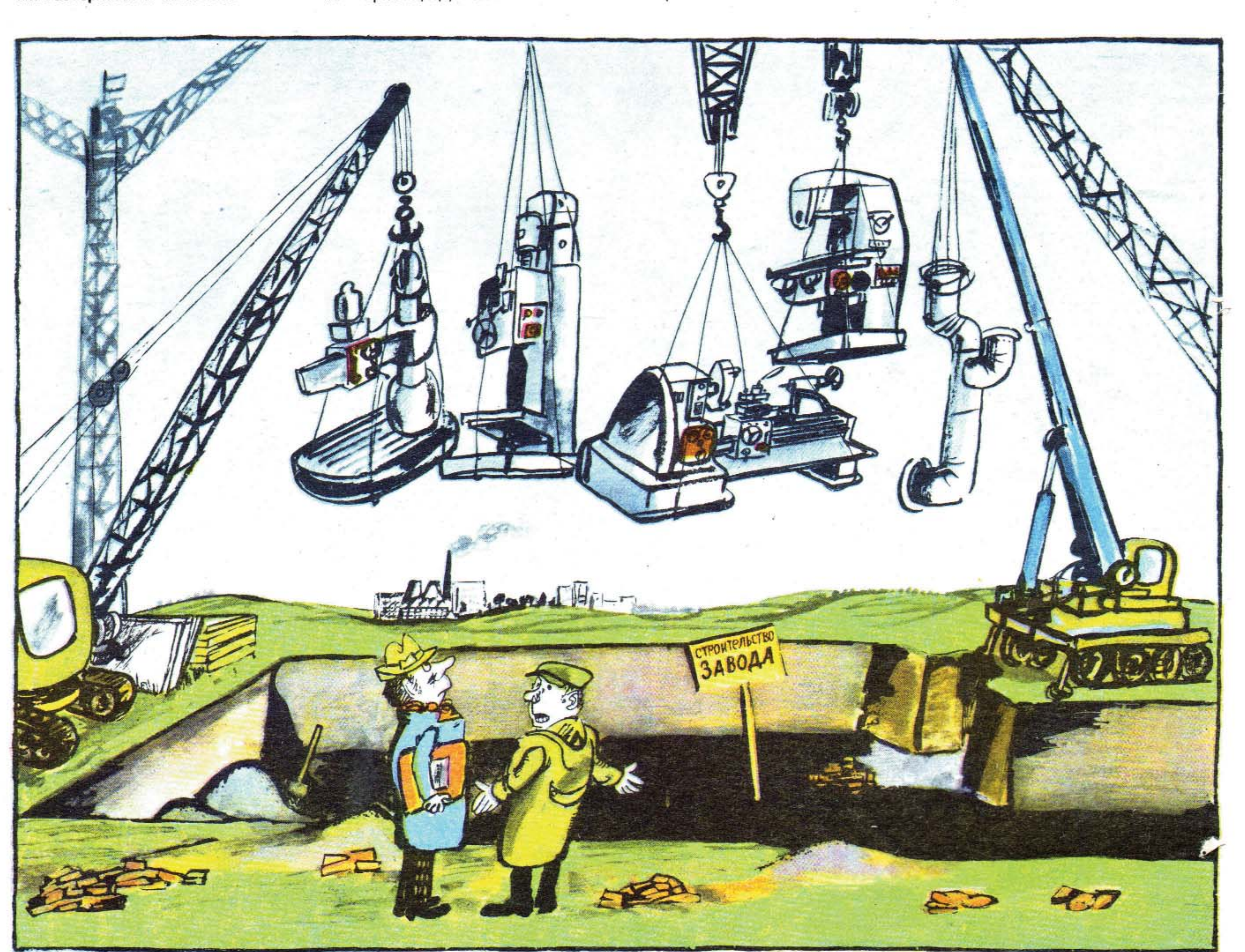
— А вот вы, например, ссоритесь со слесарем, который ремонтирует сантехнику в вашей квартире? — улыбнулся моей наивности главный инженер.

— Упаси бог! — испугался я.

— То-то же. Точно так не принято полемизировать и с поставщиками.

Поставщики знают это, но нет-нет да демонстрируют для острастки характер. В один прекрасный день Куйбышевский завод автозапчастей прекратил, например, поставлять продукцию. Моторный цех качнуло и заклинило, ибо что такое моторный цех

См. стр. 4

— Ну, оборудование разместили. Дальше что?
— Будем ждать документацию на фундамент.

Рисунок Б. САВКОВА

«Уважаемая редакция, посылаю вам характеристику на ученика 10-го класса Костина Ивана, составленную дирекцией Волчевражской средней школы Тамалинского района, Пензенской области. Обратите внимание на выражение: «Обладает чувством юмора». Мне кажется, это достойно рубрики «Нарочно не придумаешь».

Э. Ку-шина, Башкирская АССР.

СМЕХ—СИЛА

На сей раз я решил не обнародовать фамилию читательницы, приславшей письмо. Она действовала из лучших побуждений. Хотела внести свой вклад в популярную рубрику «Нарочно не придумаешь».

И действительно, под этой рубрикой мы нередко печатаем цитаты из характеристик, рекомендаций и других официальных документов. Например:

...совершал прогулы по причине больной головы,

...к работе относился честно и добросовестно, за что подвергался денежным премиям,

...по состоянию здоровья может вращаться в общественном месте,

...после капитального ремонта была зачислена санитаркой.

И так далее.

Все это, конечно, звучит забавно. Неуклюжий оборот речи рождает комический эффект. И мы смеемся.

И вместе с нами смеется Костин Иван, десятиклассник Волчевражской средней школы Пензенской области.

Он смеется, ибо обладает чувством юмора.

Смешно ли, что об этом человеческом качестве упоминается в его характеристике наряду с другими «показателями» — успеваемостью, прилежанием, способностями, увлечениями и пр.!

Это было бы смешно только в том случае, если б мы все обладали развитым чувством юмора. Так же смешно, как если бы в характеристиках писали: «По ночам обычно спит» или «Дышит регулярно».

Но, к сожалению, полноценным чувством юмора мы охвачены еще не поголовно. Есть еще среди нас отдельные, в этом смысле нетипичные товарищи. Ну, хотя бы те самые, чьи произведения пополняют рубрику «Нарочно не придумаешь».

Потому мы и говорим: смех — дело серьезное. Не для красного словца говорим. И даже не затем, чтобы лишний раз отдать должное нелегкой профессии юмориста. Эта парадоксальная формула хорошо подчеркивает высокое общественное значение и назначение смеха.

Еще в далеком, опаленном гражданской войной 1920 году А. В. Луначарский говорил:

«Я часто слышу смех. Мы живем в голодной и холодной стране, которую недавно рвали на части враги, но я часто слышу смех... Это показывает, что в нас есть большой запас силы, ибо смех есть признак силы. Смех — не только признак силы, но и сам — сила. Смех — признак победы».

И сегодня, когда Стране Советов пошел уже шестидесятый год, смех — жизнерадостный и грозный, иронический и торжествующий — по-прежнему шагает в нашем строю. Вспомним: чем открылась эпоха прорыва человека в космос, как не озорным гагаринским «Поехали!»! И, кстати, не вспыхивают ли наши телеэкраны особым, неземным светом, когда озаряют их широкие улыбки космонавтов, пролетающих над нами в глубокой вселенской выси! И не юмор ли — один из самых желанных гостей на эстрадных подмостках в Тынде, Набережных Челнах и других авангардных форпостах десятой пятилетки!..

Нелегкая стройка — созидание нового мира; нелегкая, но веселая стройка. И корень этой бодрости, этой негаснущей веселости духа — в исторической правоте нашего коммунистического дела. Вот почему, думаю я, без добротного чувства юмора нам никак не обойтись.

И потому еще не обойтись, что чувство это, стократно обостряя наше ви́дение и понимание хода событий, помогает резче различить и разграничить подлинное и мнимое, закономерное и случайное, необходимое и негодное.

Так что не посетуйте, уважаемая Э. Ку-шина, но характеристику, выданную Ивану Костину, в раздел «Нарочно не придумаешь» я рекомендовать не могу.

Больше того: полагаю, что четко и чутко индивидуальный подход педагогов Волчевражской школы к характеристикам выпускников заслуживает одобрения. И что было бы совсем нелишне фиксировать наличие или отсутствие чувства юмора и в других характеристиках. И не только в школьных.

Ну, а для раздела «Нарочно не придумаешь» присылайте что-нибудь более подходящее.

Тогда посмеемся вместе.

без клапанов? Но время невозможно заклинить, оно тикает себе да тикает... Поэтому виртуозов ремонтного дела Кутузова, Логинова и Евсеева поставили на разборку двигателей — работу, которую даже мы с Витей Липницким выполняли играючи.

Или, к примеру, замена пневматических гайковертов, которые один за другим выходят из строя, обычным гаечным ключом, ровесником достопочтенной кувалды. Каждому такому ключу требуется на гайку вдесятеро больше времени, нежели самому скромному гайковерту...

Так ныне расправляются со временем. Его не убивают с помощью домино в рабочее время, это неприлично и опасно, да и зачем, если существуют более изощренные способы.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Когда кончилась моя первая, давняя практика, судьба, взяв меня за шкирку, бережно переставила в автобусный парк. И теперь, всколыхнутый воспоминаниями, я решил повторить тот же путь. Тем более, что почти на каждом предприятии в реестр потерь рабочего времени неизменно входит пункт, который мы обозначаем словами: общественный транспорт. Пенза в этом плане исключением не является. Авторемзавод тоже.

...Без четверти пять, когда над Сурой еще вовсю светила луна, директор автобусного парка Эрнест Трофимович Овсянников подобрал меня возле гостиницы. В пять мы были на месте. Как и пятнадцать лет назад, диспетчерская в это время суток напоминала южный базар: теснота, суматоха, гвалт. Одна машина задерживается, вторая задерживается, третья не выходит совсем. Диспетчеры проявляли чудеса портновского искусства, залатывая образующиеся на глазах дырки.

И тут минувшее меня объяло живо... Как всегда, автобусов не хватило. Как всегда, где-то кто-то опоздает на работу, и причина будет уважительной: транспорт. А тем временем более полусотни машин осталось в гараже. Я не стал пытать директора, почему, а просто напряг память и принялся перечислять:

— Не хватает запчастей, не хватает ям, не вышел в ночную смену электрик или смазчик...

Эрнест Трофимович грустно кивал и лишь в конце добавил:

— Еще — капитальный ремонт. После того, как машина вернется с завода, мы ее две недели восстанавливаем.

Круг замкнулся. И неважно, что пензенские автобусы ремонтируются не в Пензе, а в Калуге или Мичуринске, Тамбовской области. На одном из аналогичных заводов мы с вами побывали, читатель, этого достаточно. Поэтому я так и не задал директору Пензенского АРЗ П. В. Сытину вопрос, который вертелся у меня на языке: как при такой колоссальной потере рабочего времени вы умудряетесь выполнить план? Глядя на автобусы, которые кустарно ремонтировали в парке после дорогостоящего капитального ремонта, я понял, как.

Круг замкнулся. И как бы трудолюбив ни был Марсель Пруст, ни в какую многотомную эпопею не всунул бы он нашу с вами сагу об утраченном времени. Оставил бы незавершенной...

г. Пенза.

Дежурный по «Вилам в бок!» А. МОРАЛЕВИЧ

Все было. И казалось, ни от чего уже больше не испытаешь трепета, тем паче священного.

Но вот ничья, например, рука не касалась вил Крокодила. И сейчас — вроде как игра на фортепьяно в четыре руки — Крокодил предлагает своим сотрудникам индивидуально и сменно, в две лапы и две руки на черенке вил, не в терапевтической рубрике, а в самой что ни на есть хирургической — «Вилы в бок!» — поассистировать ему.

Млея и трепеща, стерилизованный, в маске, под бестеневыми лампами стою я, равнение на середину, и вот он вкатил покрытое простыней, и я выполняю распоряжения:

— Кислород! Капельницу! Тампон! Вилы!!

Тут сдернута простыня, и на столе бок о бок лежат граждане Кантор и Солодовников. И я спешу проткнуть вилами поступивших Кантора с Солодовниковым, раз уж они поступили, но — Крокодил!

— Не вздевайте мужчин! — запретил Крокодил. — Они приятные. Откуда они?

— Из Винницы. За перегруз детей заумью.

— Убрать наркоз, принести извинения. Разве виноваты эти товарищи, что написали умную книжку для взрослых о гиперкомплексных числах? Разве не замечательно узнать в зрелом возрасте, к чему приводит замена одной мнимой единицы несколькими мнимыми? Разве не величественны кватернионы и октавы гиперкомплексных чисел? А алгебра с делениями (теорема Фробениуса)? А нормированные алгебры (теорема Гурвица)? И разве не в подтверждение книжных мыслей о мнимости винницкие книготорговые начальники велели мнимо честным винницким продавцам продавать малышам их «Арифметику» только с нагрузкой из книги для взрослых?

— Конечно, мы доживем. Конечно, когда-нибудь теорему Фробениуса будут генетически кодировать в материнское молоко. И, возможно, вместо «уа» первым, что крикнет ребенок двадцать первого века, будет:

— Подалгебра изоморфна алгебре кватернионов! — но заставлять малолетку выкрикивать это в двадцатом веке и именно в Виннице — свинство, свинство и свинство. Уходя, пригласить вам следующих?

— Окажите любезность, — сказал Крокодил Кантору и Солодовникову. И сказал ассистенту:

— Вилы!!

И, разбежавшись от окна, с вилами наперевес мы всадили орудие в Н. Кутузова из Краснослободска (Мордовская АССР).

— Н-да, — сказал Крокодил, перекуривая этот закономерный, но запоздалый финал. — Замечали ли вы, что растет благосостояние масс? В свете этого я хочу заострить вопрос о несовершенстве соцстраха. От чего страхуют у нас? От стихий, как-то: град, возгорание, кража... Но я близок к тому, чтобы требовать приравнения химчистки к водной стихии. Я боюсь химчисток и при мысли о крашении вою. Теплолюбивый от роду, я хожу в болгарской дубленке. Но она третий год не чищена и лоснится, как на смотру офицерский сапог, потому что боязно сдавать ее в чистку. По стране участились пропажи в чистке дорогих меховых вещей. Вот гражданка Курганова сдала на окраску дорогую шапку из меха. Шапку ее заиграли. Взамен ей пытались вручить капелюх, краска с которого липла к рукам, а мех был даже не млекопитающего. И когда Курганова с понятной гадливостью отказалась даже взять в руки подменную мерзость, что сказал ей только что нами проткнутый, но все еще не холодеющий директор Краснослободского райбыткомбината Кутузов? Он сказал: «Удостоверяю, что шапка из крашения не возвратилась. Этим я выполнил свой человеческий долг как устно, так равно и письменно. А гражданка должна уйти».

Говорю вам: самое время страховать от бытового обслуживания.

А затем, ввиду некрупности случая и стерилизуя руки для глубинных втыканий, Крокодил доверил мне вилы единолично, благо втыкать их следовало не в тело живое. И я пытался позубрить вилами ручку дверную, выпускаемую горьковским заводом торфяного машиностроения. У москвича Ткаченко Н. Т. насчет ручки возникло справедливое мнение, не из урана ли она или трансурановых элементов. Ведь неспроста пишет завод на коробке: «Срок хранения один год». За год, видать, происходит в ручке полураспад или полный распад. Год прохранилась — и нету.

Не волнуйтесь, т. Ткаченко. Анатомическое тыканье ручки вилами говорит, что ручка не из урана — из стали. А что насчет срока хранения — год, — то на заводе думают, что обычно их ручки хранят в унитазах. Дольше года ручки в них не выдерживают...

А вот случай серьезный: что-то большое, нежное, невесомое вкатывает Крокодил на каталке, он сдергивает простыню, и сразу видно, что это душа. Это душа жителя гор. Кызыла Ю. Степанова. Так что подальше от нее с грубыми вилами. Это израненная душа семьянина, который хотел провести свой отпуск с женой и сыном в верховьях реки Енисея, но выше ближних по реке бензоколонок не прошел никуда. Кетгутом и суровыми нитками мы сшивали душу, разбитую изготовителями и ремонтниками магнитофона «Томь-401» и приемника «Океан». Сломавшись по-честному, задолго до путешествия, эти вещи к путешествию так и не поспели в ремонте.

— А вот следы сапог на душе,— показал Крокодил.— Эту душу топтал дамский сапог-чулок фирмы «Андреа», полнота № 2, размер 37. Это кызыльской бензозаправщицы обувь.

— Спасибо, товарищи! — полетев вдыхаться в тело т. Степанова, сказала его душа. — И насчет заправщицы с сапогом — это точно. Мы едва подплыли туда на веслах, она и кричит: «Даю только автомобилям, только в бак, только декалитр, в канистру не дам!»

— Летите, душа! — сказали мы с Крокодилом душе. — Мы обязательно добьемся каких-нибудь сдвигов. Ну, если не лодочные моторы, то обязательно мы обяжем кызыльских бензозаправщиков заправлять как минимум зажигалки. В верховья Енисея на зажигалках — усталые, но довольные вернутся из отпуска люди.

— Кто у нас еще на втыкание? — спросил мой наставник.

— Исполняющий обязанности генерального директора завода им. Масленникова (гор. Куйбышев) В. Львов.

— Суть дела?

— Запретил работающим носить домой спецмолоко.

— Это правильно.

— А вот от работающих разъяснение: они бы пили молоко на работе, но выдают его не в обед, а под вечер, и не каждый день, а сразу за три. Полтора литра водки за раз — это, бывает, станкостроители пьют, но полтора литра молока — кто осилит?

— Главное, — сказал Крокодил, — не мелочиться. Если по заводскому телевидению покажет т. Львов, что он пьет семь пакетов, то три осилит впредь всякий. Так что вилы тут не нужны. Что далее в папке?

— Гражданка Козырева Н. И. (гор. Холмск, Сахалинская область) устала писать заявления. У нее малый ребенок. Нужны дрова, чтобы топить титан и ребенка мыть. Мать написала заявление на дрова в ЖКО строительно-монтажного поезда. Всегда так делали.—«Нет!— сказал нач. ЖКО А. Цевун.— Заявление недействительно, поскольку теперь для блага трудящихся дрова будут у целлюлозников и в порту. Пусть новое пишет заявление и платит новые деньги. А старые, уплаченные, не отдавать. Пусть про старые деньги пишет еще заявление, чтобы ей их не отдавали, а перевели в счет будущих квартплат». — А то, может, получит к весне дрова и на радостях забудет платить за квартиру.

— Казусный случай, — сказал Крокодил. — Пусть товарищ Цевун напишет нам заявление на получение вилами в бок. И второе заявление в редколлегию, что, учитывая его неполную злостность и трезубие вил, он просит производить втыкание одним зубцом с обезболиванием мест двух остальных втыканий новокаином. Деньги для прибытия т. Цевуна с Сахалина в процедурный кабинет «Крокодила» перевести ему фототелеграфом. Что еще?

— Фергана, а в Фергане автобусный транспорт. Люди пишут: неритмичность движения, а также: в государстве трудящихся нам отвратительны нищие, собирающие в житницы под гнусавое шлепанье губ: «Перед вами несчастный естественный энвалид, обшпарен кислотами и щелочами на почве ревности первоначальной жены»... Он сам себе составлял подаятельный текст, а где нанять в складчину автора, который напишет слова для водителей автобусов, которые забыли, как открываются задние двери, и процеживают пассажиров с протянутой рукой у передних?

— Да,— сказал Крокодил. — Не годится водителям вымогать медяки без слов. Подготовьте решение: обязать авторский актив «Крокодила» к следующему выпуску «Вил» придумать слова — и как можно более жалостные.

Михаил ДВИНСКИЙ

Такие коврижки!

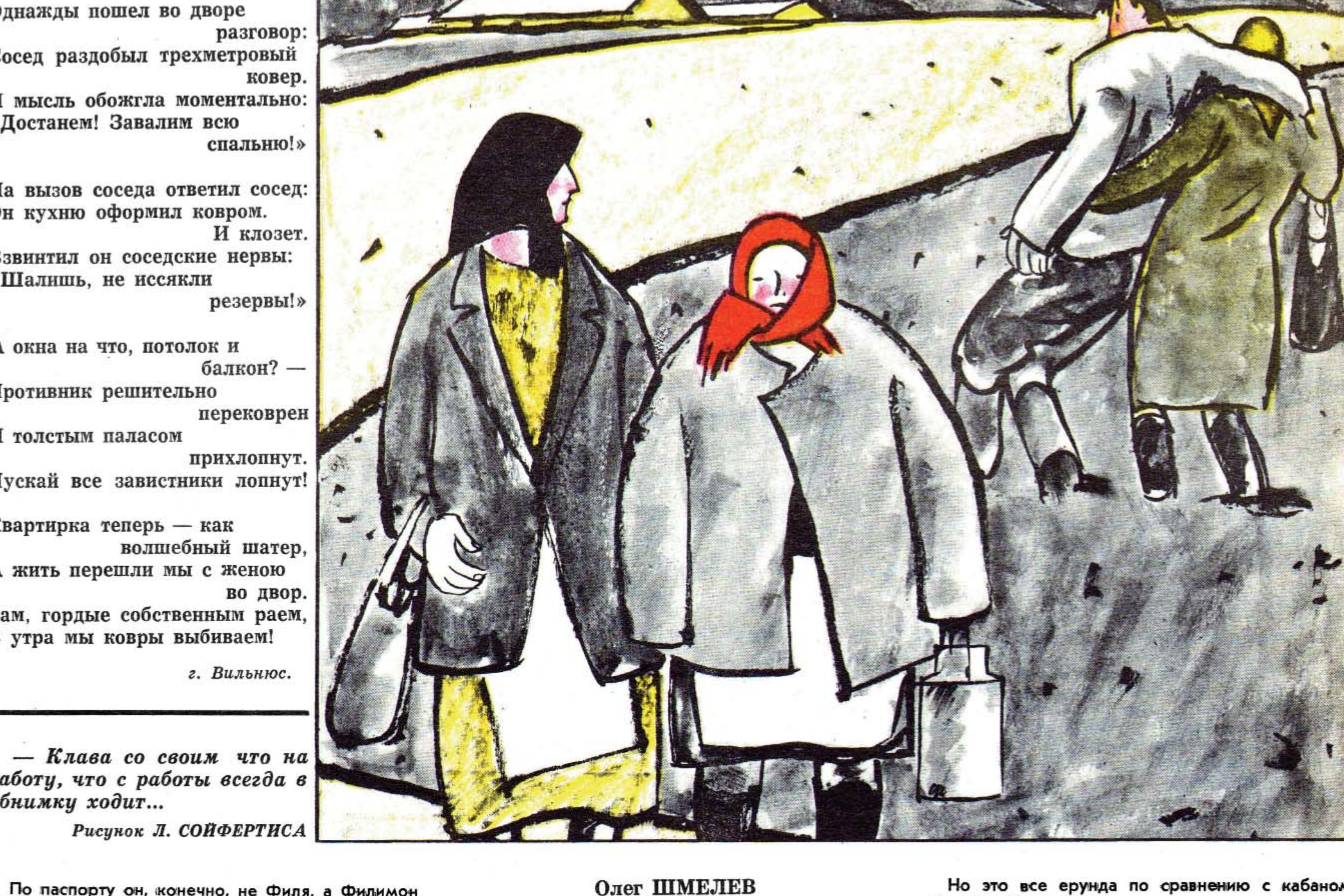
Однажды пошел во дворе
разговор:
Сосед раздобыл трехметровый
ковер.
И мысль обожгла моментально:
«Достанем! Завалим всю
спальню!»

На вызов соседа ответил сосед:
Он кухню оформил ковром.
И клозет.
Взвинтил он соседские нервы:
«Шалишь, не иссякли
резервы!»

А окна на что, потолок и
балкон? —
Противник решительно
перековрен
И толстым паласом
прихлопнут.
Пускай все завистники лопнут!

Квартирка теперь — как
волшебный шатер,
А жить перешли мы с женою
во двор.
Там, гордые собственным раем,
С утра мы ковры выбиваем!

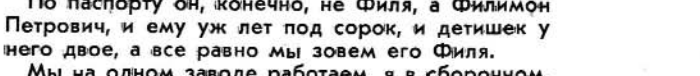
г. Вильнюс.

— Клава со своим что на работу, что с работы всегда в обнимку ходит...

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

Олег ШМЕЛЕВ

НАШ ФИЛЯ

Рассказ

По паспорту он, конечно, не Филя, а Филимон Петрович, и ему уж лет под сорок, и детишек у него двое, а все равно мы зовем его Филя.

Мы на одном заводе работаем, я в сборочном, а он в инструментальном, но раньше я его плохо знал. Слыхал, что есть такой Филя, а кто и что, не интересовался. А потом нам в одном доме квартиры дали, ему на седьмом этаже, мне на пятом, и тогда я быстро понял, почему про Филю на заводе всякие байки рассказывают.

Человек он компанейский и отзывчивый, это я сразу заметил.

Так сошлось, что кухонные гарнитуры мы с ним покупали в один день. И сговорились в магазине, что возьмем на двоих один фургон. Дружно погрузили, приезжаем домой — у подъезда целый автопарк собрался, все с мебелью. Но Филя быстренько осмотрелся и нашел щель между машинами, чтобы пробиться к самым дверям. Шофер наш начал сдавать задним ходом, а Филя командовал. Он пятился перед машиной и кричал:

— Лево, лево! Так! Давай!

Щель эта, оказывается, была оставлена другими шоферами неспроста. Оказывается, там яма имелась, заваленная стружкой, бумагой, щепками. Филя ее не заметил, и, в общем, наша машина ухнула в нее задними колесами по самый дифер. Двери в фургоне были открыты, и шкаф-колонка из моего гарнитура вывалилась и раскололась на составные части.

Шофер, конечно, на Филю матерится, а Филя говорит:

— Это ничего.

А чего «ничего», когда машина засела и шкафчик развалился? Пришлось нам тогда похлопотать, но ладно, я на Филю был не в обиде, потому что он и сам сильно переживал.

В следующий раз получилось хуже.

Мы с женой купили финский холодильник «Розенлев». Дорогая вещь, а я, сказать по правде, в холодильной технике не разбираюсь. Филя видел, как мы привезли этого «Розенльва», и напросился помочь с включением. Я, говорит, все эти ящики досконально вдоль и поперек изучил.

Ну, подняли, распаковали, установили в кухне на почетном месте, Филя в инструкцию заглянул и круглый рычажок с белыми насечками начал крутить. Включился холодильник, Филя строго послушал, как он гудит, и еще дальше крутанул. Щелкнуло нехорошо, «Розенльва» передернуло, и он заглох. А потом и нас с женой тоже передернуло. Я говорю Филе:

— Иди за мастером.

Он сходил, но сам уж к нам не вернулся. Мастер сказал, что мы инструкцию нарушили, выключили холодильник поворотом регулятора через отметку «макс», и «Розенлев» перегорел.

Тогда-то я и начал подозревать, что Филя только языком мастер на все руки, а на самом деле врет. А ближе к осени окончательно его раскусил.

В субботу послала меня жена купить арбуз. Продавали их прямо на улице. Подхожу. Вокруг проволочного сундука очередь стоит, а возле продавца — Филя, деловой такой, взъерошенный. Оказывается, он лично выбирает всем арбузы, он себя выдал за специалиста по бахчевым культурам. А на разрез, между прочим, продавец не торговал. Ну, люди поверили, и Филя каждому помогал выбирать.

Впереди меня Костя Фролов стоял, мой сосед по лестничной клетке. Он тоже Филе доверился. Но я решил сам выбрать.

А вечером встретились с Костей во время «козла», и Костя говорит:

— Ну и арбузик мне Филя подсуропил.

— Плохой?

— Белый и как трава.

И у всех, кому Филя выбирал, арбузы оказались плохие. А у меня арбуз был красный и сладкий.

Но это все ерунда по сравнению с кабаном. А дело было так.

Собрались мы вчетвером на охоту, добыли лицензию на отстрел одного дикого кабана. Филя узнал и начал проситься с нами. В охотничьем обществе он состоял, ружьишко у него имелось. Если бы голосовали, я бы был против, но Филя сумел уговорить остальных троих.

Соорудили мы на опушке леса костер, расчехлили ружья, а потом разложили закусь, сняли с поясов фляжки. Славное дело!

Когда по два раза хлебнули, Филя мне тихонько говорит:

— Знаешь, как я по-свинячьи хрюкать могу... Даже кабан не отличит.

Я думаю, врет, как всегда, а сам говорю:

— Ну и хрюкни.

Он говорит:

— Не-е, так не интересно. Ты им ничего не говори, а я сейчас потихоньку уйду и из леса хрюкну. Посмотрим, что получится.

Он все так и сделал.

Сидят мои дружки, блаженствуют. Тишь стояла великая, только костер потрескивал, и вдруг в пятнадцати шагах, за толстой березой — возня и хрюканье. Охотнички рты пооткрывали и глаза выкатили. А там опять хрюкнуло, и не успел я «мама» сказать — вскинулись мои дружки, схватили ружья и из шести стволов шарахнули в темноту. От березы белые брызги полетели.

— Это не кабан, это Филя! — закричал я, но, по правде сказать, и у самого рука к тулке тянулась: уж очень похоже Филя хрюкал.

А он, чудак, выходит из-за березы, сам бледный, а улыбается. У дружков зубы стучат и руки трясутся. Хотели его бить, но я отговорил. А Филя доволен:

— Вот как я вас обманул.

Ну и чудак! Обманул! Наоборот, первый, может, раз правду сказал, а что могло получиться? Я ему говорю:

— Ты уж лучше и дальше ври, а то ничего хорошего не выйдет. Видно, такая уж у тебя судьба.

Кабана мы на следующий день взяли. Голову, ноги и хвост разыграли жребием, и достались они Филе.

таланты и поклонники

Сергей СМИРНОВ

(Шутка с подтекстом)

ПИИТУ-МНОГОЛЮБУ

Перечтешь, и сердцу станет жарко –
Кипень чувств, сверканье, гром и гул!
Так влюблялись
Данте и Петрарка
Или тот же «Бешеный Катулл».
Всепланетно здравствует их гений,
То земной,
а то и неземной:
Чуть не все собранье сочинений —
Даме сердца!
Избранно одной!..
Но заглянешь в сборники,
что ныне
Выпускает кое-кто из нас,—
«Дама сердца!» —
нет такой в помине,
Персонально
«Списана в запас».
Вот пиит,
условно сбросив бремя
Собственной супруги и семьи,
Как в воображаемом гареме,
Дарит всем симпатии свои.
Он в стихах любого габарита
Прямо-таки лезет на рожон:
— Я люблю вас, женщины! —
открыто
Режет слух
Несметным тиражом.
Можно бы пройти с улыбкой мимо,
На такую блажь махнуть рукой,
Но певец
безбрежного интима
Знать не знает меры никакой.
В роли
Многолюба-перестарка
Он поет, морщинист и сутул...
И вздыхают Данте и Петрарка,
И немеет
«Бешеный Катулл»!

Витауте ЖИЛИНСКАЙТЕ

Голубые диалоги

В телестудии нас было четверо: доярка, ткачиха, спортсменка и я. На голубом экране шла передача о женщинах разных профессий, поэтому все мы терпеливо сидели на маленьких стульчиках и ждали своей очереди. Словно десяток африканских солнц, пылали над нами огромные телелампы. Взад-вперед двигалась труба телекамеры, похожей на пулемет. Казалось, ляпнешь что-нибудь не так — и пришьет тебя на месте. Над головой висел микрофон — точно кирпич на нитке. Ведущий — некто плечистый и голубоглазый — приступил к беседе с дояркой. Я прислушалась — диалог развивался удивительно складно:

Ведущий. Товарищ доярка! Наши телезрители интересуются: вы доите колхозных коров?

Доярка. Да, колхозных коров.

Ведущий. Ну, и как удается вам доить колхозных коров?

Доярка. Доить колхозных коров мне удается хорошо.

Ведущий. А теперь я попрошу вас ответить на такой вопрос телезрителей: сколько молока от одной коровы вы надоили в этом году?

Доярка. В этом году я надоила четыре тысячи двести килограммов.

Ведущий. А сколько молока надоили в прошлом году?

Доярка. В прошлом году я надоила три тысячи восемьсот килограммов.

Ведущий. Тем самым вы хотите сказать, что в прошлом году надоили на четыреста килограммов меньше?

Доярка. Да, на четыреста меньше.

Ведущий. Спасибо. Ну и еще один вопрос телезрителей: сколько молока вы собираетесь надоить в следующем году?

Доярка. В следующем году я собираюсь надоить семь тысяч пятьсот килограммов!

Ведущий. Тем самым вы хотите сказать, что в следующем году надоите на триста килограммов молока больше, чем в этом, и на семьсот килограммов больше, чем в прошлом?

Доярка. Да, ровно на столько.

Ведущий. Спасибо. Свое свободное время проводите культурно?

Доярка. Куль...

Ведущий. А теперь обратимся к нашей рекордсменке по прыжкам в высоту. Телезрители спрашивают: вы прыгаете в высоту?

Спортсменка. Да, в высоту.

Ведущий. Ну, и как удается вам прыгать в высоту?

Спортсменка. Прыгать в высоту мне удается хорошо.

Ведущий. На сколько прыгнули в этом году?

Спортсменка. В этом году прыгнула на метр девяносто сантиметров.

Ведущий. А на сколько прыгнули в прошлом?

Спортсменка. В прошлом прыгнула на метр восемьдесят шесть сантиметров.

Ведущий. Тем самым вы хотите сказать, что в этом году прыгнули на четыре сантиметра выше, чем в прошлом?

Спортсменка. Да, на четыре.

Ведущий. Спасибо. И последний вопрос телезрителей: на сколько вы собираетесь прыгнуть в следующем году?

Спортсменка. На метр девяносто девять сантиметров!

Ведущий. Тем самым вы хотите сказать, что в следующем году прыгнете на девять сантиметров выше, чем в этом, и на тринадцать сантиметров выше, чем в прошлом, а в прошлом прыгнули на тринадцать сантиметров ниже, чем в будущем, и на четыре ниже, чем в этом?

Спортсменка. Ддд... да!

Ведущий. Спасибо. Свободное время, конечно, культурно?

Спортсменка. Очень куль...

Ведущий. А теперь обратимся к ткачихе. Прошу вас ответить телезрителям: сколько...

Больше я не слушала: приближалась моя очередь. И вдруг я увидела направленную на меня трубу пулемета.

— ...удается? — услышала я последнее слово из фразы ведущего.

— Превосходно, — заверила я его.

— Мм... — засомневался он от имени телезрителей. — Так что в этом году...

— В этом году — тридцать восемь с половиной юморесок.

— Ну...

— Ну, а в прошлом — две и одна седьмая.

Ведущий что-то пробормотал. Видимо, силился отнять от одной второй одну седьмую. Трудись, трудись!

— А...— не справясь с подсчетом, снова заговорил он.

— А в следующем году девять тысяч семнадцать.

— Сколько? — переспросил он.

— Девяносто триллионов двести семьдесят миллиардов пятьсот тысяч сто одиннадцать и одна тринадцатая!

Ведущий пошатнулся, голубые глаза позеленели, а морщины на лбу разгладились — электронный центр перестал действовать.

— Отдых, — добавила я, — некуль...

Все вокруг затихло, лампы погасли, кирпич больше не нависал надо мной, пулемет замаскировался. Доярка, ткачиха и спортсменка отодвинулись вместе со стульями в сторону. Только ведущий продолжал сидеть, вытаращив глаза, зеленые, как трава.

— Итак, попробуем, — наклонилась я к нему, — найти общий знаменатель для одной второй, одной седьмой и одной тринадцатой...

Перевел с литовского А. РОЛЬНИК.

Рисунок К. НЕВЛЕРА

— Плагиаторов боюсь...

Феликс АНДРЕЕВ

Как снять спортивный фильм

Составить это краткое руководство нам помогли два фильма. И хотя одна картина снята на хладных берегах Невы, а в другой запечатлено Днепра державное течение, мы ясно видим, что сценарист В. Ежов и режиссер В. Садовский («Одиннадцать надежд», Ленфильм) и их коллеги С. Токарев и А. Иванов («Место спринтера вакантно», киностудия имени Довженко) пользовались совершенно одинаковыми, даже, можно сказать, унифицированными деталями. А это уже дает право обобщать.

ДЕТАЛЬ ПЕРВАЯ. Спортсмены — народ молодой, бесхитростный. Все их поступки диктуются метким выражением: «Сила есть, ума не надо!» Чтобы ярче проиллюстрировать этот тезис, в фильме надо заставить героев дружно хохотать над шутками типа: «Тут мама английской королевы просит у тебя автограф. Вот и иди ты к этой маме!» Чуть грубовато, конечно, но зато простота и незатейливость характеров налицо.

Неплохо, конечно, наделить героев фильма косноязычием. Таким, скажем, как у мускулистого тренера Василия из картины «Место спринтера вакантно». В фильме он несет буквально следующее: «Который ненужный человек подарил, допустим, тебе подарок. От всего сердца. А ты этот подарок потерял или сломал и тому парню обидно, но ему не за то обидно, что ты его этим обидел. А что подарок-то тебе ненужный был. А ты этого не понял...» Мощная речь, не правда ли? Думается, сценарист С. Токарев пользовался иными весомыми аргументами, убеждая руководство Киевской студии принять у него сценарий спортивного фильма.

ДЕТАЛЬ ВТОРАЯ. Физическая травма. Без травм не выстроишь конфликта. На них основаны столкновения героев типовых фильмов с жизнью, друг с другом. Ведь травма влечет за собой с неизбежностью больничные палаты, посещения друзей, задушевные беседы о смысле спорта. К тому же, где как не в больнице найти молодую докторшу, необходимую для любовно-лирической линии?

ДЕТАЛЬ ТРЕТЬЯ. Тренировки и участие в ответственных состязаниях. Желательны международные матчи. Ибо только они дают возможность съемочной группе надежно вжиться в атмосферу чуждых нам спортивных нравов. А также, что немаловажно, это позволяет ввести в фильм громадные куски спортивных баталий, избавляя сценариста и режиссера от головоломных усилий по развитию сюжета, от разработки логической линии поведения героев. Например, картина «Одиннадцать надежд» чуть ли не наполовину состоит из подобных эпизодов.

Кроме трех крупных обязательных деталей, составляющих любой типовой спортивный фильм, существует масса других, неизбежно вводимых в трепетную ткань киноповествования. Скажем, как обойтись без шутника, певуна и трогательного заводилы, желательно кавказского происхождения?! (В фильме «Место спринтера вакантно» его зовут Гогелия, в «Одиннадцати надеждах» он носит фамилию Брегвадзе.)

Впрочем, думается, не имеет смысла продолжать перечень подобных блоков, не имеющих ничего общего с подлинной спортивной жизнью. В случае необходимости этот список с успехом смогут пополнить сами зрители.

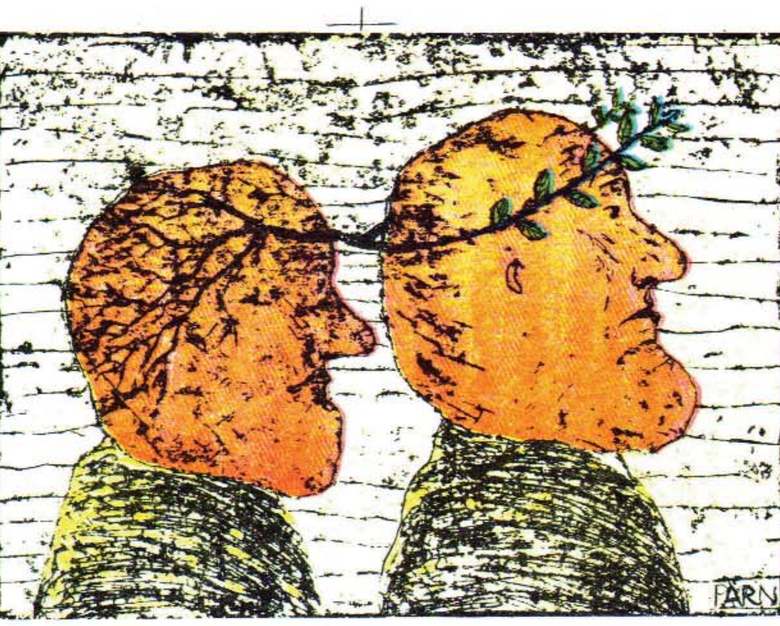

Рисунок П. ПЯРНА

Рисунок И. БЕРЕЗНИЦКАСА

В нашем цехе

Карикатуристы ПРИБАЛТИКИ

Есть ли они в республиках Советской Прибалтики, как их много, каковы проблемы, занимающие мастеров забавного рисунка, — ответить на эти вопросы и должна была выставка, открывшаяся недавно в Таллине. И что же выяснилось? А то, что мисс Карикатура — довольно частый гость на страницах эстонской, латвийской и литовской прессы. Только в выставке участвовали 36 карикатуристов (в среднем по двенадцати на каждую сестрицу-республику), представивших более семидесяти своих работ. Что гнезда, в которых они выросли, — это журналы «Пиккер», «Дадзис» и «Шлуота», где карикатуру ценят и лелеют как боевой жанр графического искусства, нацеливая ее на более острые темы, волнующие советских людей.

Выставка злой, веселой, улыбчивой карикатуры открылась в просторном выставочном зале художественного института, а затем участники вернисажа поехали в рыболовецкий колхоз имени Кирова, где состоялось обсуждение проблем современной сатирической графики. Созданию творческой обстановки в немалой степени способствовал осмотр созданного правлением колхоза единственного в мире музея карикатуры, где фигурируют три компонента: человек, море и рыба.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«МЕТЛА КАК СРЕДСТВО»

В этом фельетоне («Крокодил» № 19) рассказывалось о том, как рабочего Северо-Кавказского комбината производственных предприятий И. Пожаренко, который на собрании покритиковал начальство за очковтирательство, осудили на пятнадцать суток, квалифицировав его действия как мелкое хулиганство.

На фельетон откликнулись заместитель прокурора Краснодарского края тов. В. Алабин и начальник отдела юстиции крайисполкома тов. В. Федченко. Проверкой установлено, что И. Пожаренко привлечен к ответственности народным судьей необоснованно. По протесту прокурора председатель краевого суда отменил постановление председателя Кавказского райнарсуда тов. А. Сенченко, по которому тов. И. Пожаренко был подвергнут аресту, а материал возвратил на новое рассмотрение в тот же суд.

При повторном разбирательстве с допросом ряда свидетелей народный судья Кавказского районного нарсуда тов. М. Лежнев производство по делу тов. И. Пожаренко прекратил за отсутствием в его действиях вины.

Председателю Кавказского райнарсуда тов. А. Сенченко строго указано за допущенное нарушение социалистической законности.

«ГРЯЗЕВАЯ ПОЦЕДУРА»

В фельетоне рассказывалась печальная история о том, как тов. О. Кузнецову безо всяких оснований обвинили в краже пухового платка. И повинен, как ни странно, в этом ложном обвинении был... работник милиции («Крокодил» № 14).

Как сообщил редакции заместитель начальника Гродненского областного УВД тов. И. Афанасьев, «грязевой процедуре» подверг О. Кузнецову старший инспектор отделения уголовного розыска ОВД Щучинского райисполкома тов. Ю. Прощенко. Этот его поступок квалифицирован как недобросовестное отношение к исполнению служебных обязанностей. Тов. Ю. Прощенко лишен нагрудного знака «Отличник милиции».

Начальнику Щучинского РОВД предложено усилить контроль за работой отдела, улучшить политико-воспитательную работу с личным составом.

«ЛЮБИМАЯ ТЕМА»

Одноименная заметка сообщала: не готовят горячую пищу в столовой «Турист» аэропорта Орска («Крокодил» № 22).

Журналу ответил заведующий торготделом исполкома Орского горсовета тов. В. Астафьев. В «Туристе» расширили ассортимент печеных изделий, горячих напитков и холодных закусок, постоянно продают горячие сосиски. Так как сейчас условий для приготовления горячих блюд в столовой нет, готовится техдокументация на постройку кухни.

«И ГАРМОНЬ ГОЛОСИСТАЯ И ХЛЕБА КОЛОСИСТЫЕ...»

Автор Э. Полянский рассказывал в этом фельетоне («Крокодил» № 26) о недостатках в работе «Сельхозтехники» в Оренбургской области.

На выступление журнала ответил председатель областного объединения «Сельхозтехника» тов. Н. Шаманов. Факты имели место, сообщил он. Фельетон обсужден в аппарате объединения и на общем собрании центрального межрайонного объединения, издан приказ об улучшении доставки запчастей. Виновные получили административные взыскания.

Дружеский шарж В. ЧИЖИКОВА.

КИСТЬ, РЕЗЕЦ И ЧАШКА ЧАЯ

КРОКОДИЛ. Сегодня мой старый друг, художник Евгений Александрович Гуров, знакомит нас со своим, если так можно выразиться, творческим хобби. Расскажи-ка, Женя, об этих линогравюрах.

ГУРОВ. Это иллюстрации к рассказам воронежского писателя Гавриила Троепольского.

К. А почему ты выбрал именно Гавриила Николаевича!

Г. Так уж, нравится он мне. Он в своих произведениях может быть злым и ироничным, как Щедрин, и вдруг — добрым, как... не знаю, как кто. Ну, ты ведь читал его «Белый Бим Черное ухо»? Тогда ты меня поймешь. И потом он, как сейчас модно говорить, «лепит» поразительно яркие образы. Воспроизводить их — одно удовольствие. Недавно я был в Воронеже и преподнес писателю оттиски гравюр.

К. Как он реагировал!

Г. Ничего, не ругался. И даже подарил свою книжку. Между прочим, я и сам люблю писать рассказы, юмористические.

К. Получаются!

Г. Ну, с Троепольским я равняться не смею. И потом все-таки у редакторов, я заметил, есть какое-то предубеждение. Ты, мол, художник? Ну, вот и рисуй. Это мне напоминает транспарант, который я видел в прокатном цехе легендарной Магнитки: «Не выполняй работу, если она тебе не поручена».

К. Странный лозунг. По-моему, он глушит инициативу...

Г. Нет, все правильно. Это же горячий цех. Там каждый должен четко исполнять свои обязанности, иначе недолго и до беды.

К. Действительно... (После небольшой паузы.) **Вижу, ты и в «Агитплакате» сотрудничаешь!**

Г. Да, и, знаешь, это очень помогает в работе над журнальной карикатурой. Привыкаешь искать самое лаконичное, выразительное решение, отбрасываешь второстепенные детали.

К. А это что за плакат! ▶

Г. Это просто афиша моей персональной выставки, которая проходила в Берлине и в других городах ГДР.

К. Ну и как зрители — хорошо приняли выставку!

Г. Вот такой эпизод: очень меня благодарила одна берлинская учительница. Дело в том, что среди ее учеников был двоечник, такой равнодушный, ничем не интересующийся балбес. А побывал с классом на выставке — и загорелся, не оторвать его было от рисунков. «Геноссе Гурофф,—сказала учительница,— теперь я, кажется, нашла ключ к моему ученику». Я, честное слово, был рад не столько за себя, сколько за нее.

К. Хочу познакомить читателей еще с одной стороной деятельности Гурова. При моей редакции регулярно работает клуб «Ча-ча». Спешу пояснить: название вовсе не означает «чача», а, наоборот, «чашка чая». На этих моих посиделках с самоваром крокодильцы встречаются с интересными людьми, с коллегами-сатириками. А готовит заседания и председательствует на них всегда Гуров, бессменный президент клуба. Скажи, президент, а зачем ты взвалил на свои плечи такую хлопотливую обязанность! Времени девать некуда!

Г. Просто я люблю непринужденность и веселье на этих встречах, особую крокодильскую атмосферу. Помнится, интересная встреча была с Валентином Катаевым...

К. С артистами Романом Карцевым и Виктором Ильченко, с писателем Михаилом Жванецким...

Г. Помню заседание, посвященное Михаилу Кольцову...

К. Константину Ротову, Эмилю Кроткому и так далее.

Взгляните на фото: происходит чествование моего старейшего сотрудника Бориса Ефимова. Президент поздравляет его с только что присвоенным званием магистра крокодильих наук.

Г. Так же весело мы старались отмечать юбилеи и других наших мэтров: Кукрыниксов, Ивана Семенова...

К. **А кто из современных карикатуристов лично тебе больше по душе!**

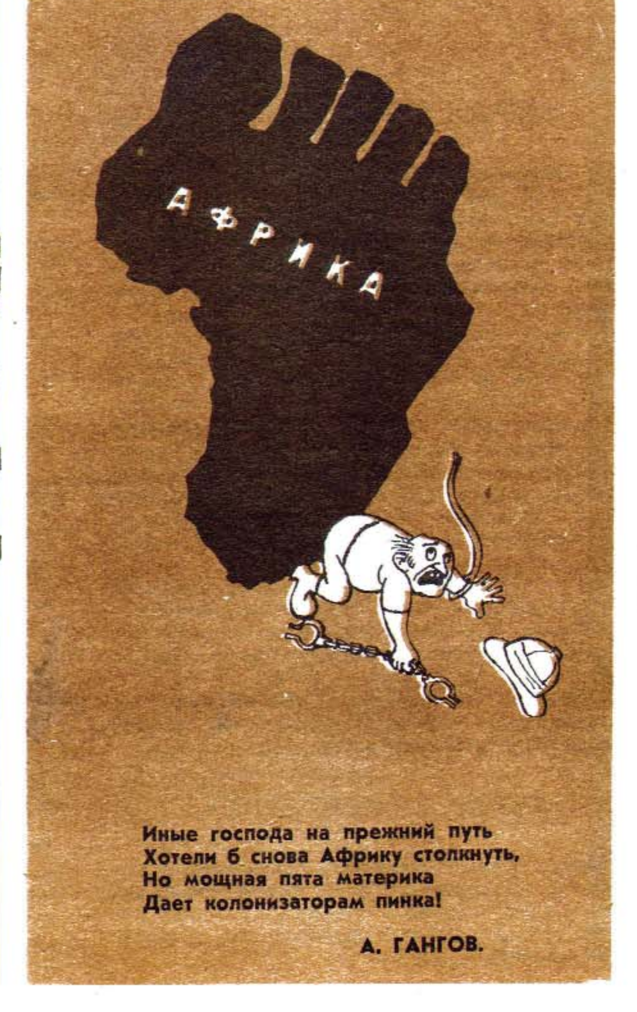
Г. Трудный вопрос. Среди них у меня много любимых художников, а кроме того, и просто друзей. Обидятся еще, если не назову их!..

Беседу застенографировал С. СПАССКИЙ.

В печати и в эфире злые своры
Рычат и сеют на земле раздоры.
Народы мира! В нашей власти
Заткнуть собачьи эти пасти!

П. ЖЕЛЕЗНОВ.

Иные господа на прежний путь
Хотели б снова Африку столкнуть,
Но мощная пята материка
Дает колонизаторам пинка!

А. ГАНГОВ.

Отец буянит,
сквернословит,
пьет —
Неважный образец для подражания!..
И вот в итоге
созревает плод
Такого рода горе-воспитания!

* * *

Чтобы подобным не выросло чадо,
Папу сначала воспитывать надо!

М. РАСКАТОВ.

Г. Троепольский. ПРОХОР СЕМНАДЦАТЫЙ И ДРУГИЕ

ПРОХОР СЕМНАДЦАТЫЙ

ГРИШКА ХВАТ

ИГНАТ С БАЛАЛАЙКОЙ

НИКИШКА БОЛТУШОК

Е. ГУРОВ

пакет

Однажды начальник дает мне пакет.

— Поедешь в командировку. Даже,— говорит,— полетишь. Дело важное, срочное...

На другой день я уже летел в Семилопатинск. Тамошний завод поставлял нам некондиционные заготовки. Все параметры наоборот: длина как ширина, а ширина как длина.

Сижу в самолете, пакет с чертежами к животу прижал, о делах думаю. И такой у меня вид озабоченный, что стюардесса мне пакет гигиенический принесла. Чуткость проявила.

Прилетел я в Семилопатинск и — сразу на завод. Что касается параметров, большой спор вышел. Семилопатинцы говорят: параметры правильные. Просто, говорят, где вы думаете — длина, так это ширина. А где вы думаете — ширина, так это длина. Все точно.

Долго спорили. Но я их почти убедил. Обещали подумать.

В обратный самолет сел я довольный. И так, видно, хорошо выглядел, что стюардесса мне не то что пакета, конфетки не предложила.

Подтащил нас тягач к взлетной полосе. Стали летчики моторы заводить. А они, как назло, дымят, чихают, но не заводятся...

Стюардесса пассажиров стала грушевой водой поить. Шутит с каждым и хохочет громко и заразительно. А пассажиры понимают: дело дрянь.

Из кабины летчик вышел. Бледный. Пот со лба смахнул и говорит:

— Сохраняйте, товарищи, спокойствие. Отстегнитесь и вылезайте наружу. Моторы что-то не заводятся — самолет толкать будем...

Отстегнулись. Вылезли.

Один только пассажир в салоне остался. Он как в кресло сел, задремал сразу. А когда вылезти попросили, не поверил, что мы еще на земле.

— Это,— говорит,— свинство, человека без парашюта высаживать.

А мы ладошками в самолетные бока уперлись. Летчик фуражкой махнул — стали толкать. Сначала не получалось, а потом, ничего, покатился. Быстрей и быстрей. Моторы сначала чихать начали, а потом и заработали. Чисто так, без перебоев. Самолет еще быстрей покатился. Мы уже отставать начали и вскоре совсем отстали.

А самолет уже далеко откатился и, видим, от земли оторвался. Стал высоту набирать и вскоре за облаками скрылся...

Стоим мы. Дыхание и пульс у нас — учащенные, и тому типу, что из самолета не вылез, завидуем...

А тот тип, оказывается, был представителем семилопатинского завода и летел к нам на завод, чтобы свою правоту доказать: «где ширина — там длина, а где длина — там ширина».

И представьте, доказал. И еще до моего прибытия отправился назад в Семилопатинск.

И снова начальник дает мне пакет...

Г. МАРЧИК

Хрустальный замок

Рассказ

Я проснулся в самом радужном настроении.

— Чему ты все время улыбаешься? — за завтраком удивленно спросила жена.

— О, ты ни за что не поверишь. Я строю хрустальный зáмок,— с воодушевлением сказал я и отправился на работу.

Прежде всего я выбрал подходящее место — зеленую лужайку в янтарном сосновом лесу на берегу синего озера.

Дело спорилось. Прошло немного времени, и вот уже вырос хрустальный замок. Его хрустальные кирпичики были наполнены золотистым, зеленым и голубым светом.

У входа в замок я разбил цветник. Теперь можно было полюбоваться делом своих рук. Я дышал всей грудью чистым, смолистым воздухом. В глазах моих отсвечивали розовые кусты.

В этот момент меня сильно толкнули в бок. Я вздрогнул и обернулся. Это был какой-то мужчина, усиленно пробиравшийся к выходу из автобуса, в котором мы ехали. Он даже не заметил меня.

Когда я вернулся к своему замку, то с огорчением обнаружил, что одна из его стен рухнула. Пришлось ее спешно восстанавливать.

Но вот мы подъехали к моей остановке. Я бодро соскочил на землю. Путь мой лежал мимо булочной. Я вспомнил, что мне нужен сахар, и толкнул дверь булочной, но едва сделал шаг вперед, как услышал треск рвущейся ткани. О моя новая фасонистая куртка! Рукавом я зацепился за острый гвоздь, торчащий из косяка.

— Там... у вас... торчит... гвоздь...— взволнованно сказал я, показывая на надорванный клок рукава.

Милая дама, сидящая за кассовым аппаратом, посмотрела на меня как на заговоривший вдруг неодушевленный предмет.

Этот взгляд несколько отрезвил меня. Действительно, подумаешь, жалкий лоскуток, какой-то гвоздь. Что все это по сравнению с ее заботами?

— ...торчит гвоздь. Надо забить его,— виновато сказал я.— У вас есть молоток?

— У нас нет молотка! — возмутилась дама.— У нас есть булки...

— Тогда возьмите камень и забейте гвоздь,— окончательно стушевавшись, предложил я.

Моя дерзость, как видно, не знала границ.

— Если вам надо, возьмите и забейте,— возмущенно сказала дама за кассовым аппаратом.— И вообще, гражданин, не мешайте работать. Проходите.

Я огляделся по сторонам — в булочной никого, кроме меня и этой дамы, не было. Тем не менее я послушно кивнул, пробормотал «извините» и спиной попятился к двери. У выхода я зацепился за гвоздь вторым рукавом. Дама провожала меня насмешливым взглядом.

На улице я осмотрел оба рукава и решил, что беда не так уж велика. В конце концов я здоров, у меня есть семья, квартира, приличная работа, друзья. А рукава, что рукава? Их починят в ателье, и куртка снова станет, как новая. Я воспрянул духом и вспомнил о своем хрустальном замке.

О мой бедный прекрасный замок! Что с ним стало. Он имел жалкий вид. Стены скособочились и выгнулись, а высокая, гордая крыша свесилась набок, как голова пьяного.

Я энергично принялся восстанавливать свой замок. Выпрямил стены, поднял крышу, заменил разбитые хрустальные кирпичики... Замок снова засверкал на солнце яркими, радужными бликами.

В лаборатории своего института я весело поздоровался с коллегами, с удовольствием принялся за работу.

Спустя час меня вызвал к себе директор института.

Я не шел, а летел по коридору. Сердце стучало, как отбойный молоток. На губах блуждала улыбка. Перед глазами стоял мой прекрасный хрустальный замок, вокруг него благоухали розовые кусты...

Директор, симпатичный молодой мужчина, в очках с крупными стеклами, похожий на университетского преподавателя, вежливо поздоровался со мной.

Я ждал, затаив дыхание. Решалась судьба моего предложения. Это был смелый проект, с новым, оригинальным решением.

— Видите ли, Герман... ммм... Карпович,— мягко говорил директор, глядя на меня укоризненным взглядом,— это, конечно, очень интересно. Я бы сказал даже, это очень и очень любопытно...— он мямлил и жевал слова, а в груди моей конденсировался туман и холод.— Но, понимаете ли,— продолжал директор,— у нас есть утвержденный план, и менять его мы не можем...

Я понял: спорить бесполезно.

— Но вы не огорчайтесь, Герман... мм... Карпович,— как сквозь вату доносилось до меня.— Будет еще не одна возможность... Не теряйте надежды...

Мне стало жалко его. Я поднялся и пошел к себе. Я шел мимо поломанных розовых кустов и вытоптанной лужайки, на которой бесформенной грудой лежали развалины моего хрустального замка.

— Какая все-таки хрупкая вещь — эти хрустальные замки,— огорченно пробормотал я, переступая порог своей лаборатории.

Сослуживцы, не понимая, молча смотрели на меня.

Я вздохнул и сел за свой рабочий стол.

ЧЕРНЫМ ПО БЕЛОМУ

Рисунок В. СТУПИНА.

Рисунки В. ГРИГОРЬЕВА.

Рисунок А. БАБЫКИНА.

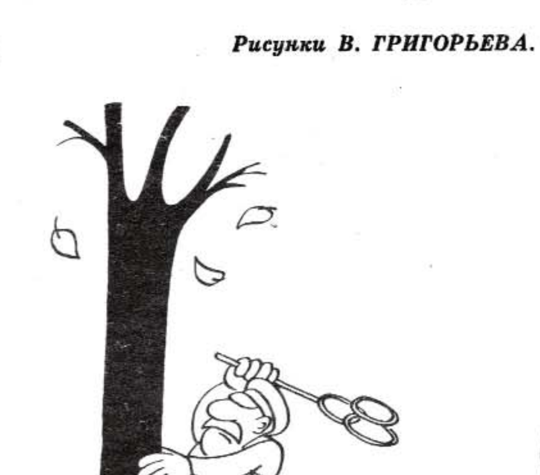

Рисунок В. СПЕЛЬНИКОВА.

Рисунок Е. ГАВРИЛИНА.

Н. БОГОСЛОВСКИЙ

Светофор у сердца

Прихожу я раз к любимой в настроении прекрасном.
Буйно ревность в ней пылает светофором ярко-красным.
Путь закрыт запретным знаком, и дороги к сердцу нет.
Терпеливо жду, поскольку скоро будет Желтый свет.

Жди у сердца перемены! Ведь не зря к нему пришел ты...
Светофор сменил свой Красный на жестокий, жесткий Желтый.
Цвет разлуки, цвет сомненья... Хоть дороги к сердцу нет,
Есть закон чередованья. Подожду Зеленый свет.

И стою, стою у сердца, как всегда, в тебя влюбленный.
Вешний сад, трава лесная,— где ты, нежный цвет Зеленый!
Есть закон чередованья. И теперь, наверно, скоро
Я дождусь тебя, Зеленый, у родного светофора!

Михаил ХОНИНОВ

Про доброту и честь завистнику не говори.
Не говори, что от зари работаешь ты до зари.
Слова хоть добрые, но злят его и злят...
Гадюка попивает молочко и копит яд.

Арканом можно укротить коня,
Огонь — водой, болезни — врачеваньем.
— А чем,— спросил дурак,— повалите меня!
— Ничем,— сказал мудрец. И потерял сознанье.

Авторизованный перевод с калмыцкого
М. ГРИГОРЬЕВА.

нарочно не придумаешь

«Продавец ушел на развал и сходимость колес».

(Объявление в автомагазине).
Прислал Н. Петров, г. Ленинград.

«Прошу вашего разрешения продать за наличный расчет телку. Голову сдать взамен не могу, так как я ее не имею».

Прислала А. Лосева, Красноуфимский район, Свердловской области.

«Часто школьники хотят иметь такую же прическу, какую носят взрослые. Надо им объяснить, что это некрасиво, что это противоречит основам эстетического воспитания и вкуса».

Журнал «Служба быта».

«Включить на спецжиры временных рабочих по гнусной лаборатории».

(Из протокола собрания сотрудников лаборатории по борьбе с гнусом).
Прислал И. Жук, Тюменская область.

«Нарушений общественного порядка мы не совершали, а посуду и гитару разбили на счастье».

(Из объяснения).
Прислал П. Ершов, г. Тихвин.

«27 июля состоится собрание жителей среднего табуна».

Прислал И. Шагиахметов, Красноармейский район, Челябинской области.

«Пошуметь любит, но с материальными ценностями не пьет».

(Из характеристики).
Прислал Н. Абромайтис, г. Капсукас.

нарочно не придумаешь

Мануил СЕМЕНОВ,
специальный корреспондент Крокодила

ПОРТРЕТ КУДЕСНИЦЫ

Как и большинство людей, к рассказам о внезапно вспыхнувшем чувстве я всегда относился скептически. Внезапно возникает у дверей вашей московской квартиры дальний родственник из Юрюзани, гаснет телевизионное изображение хоккейной схватки, и в телефонной будке современного микрорайона появляется нечистая сила, пугающая медсестер, дежурящих у телефонов «Скорой помощи». А чувство должно вызреть, как вызревает помидорная рассада в чуланах умелых огородников. Так я думал до тех пор, пока судьба не столкнула меня с ней...

Нельзя сказать, что она была красавица. Открытое лицо, серые глаза, длинные пушистые ресницы, русые волосы, на левой щеке чуть заметная родинка. И поразил меня совсем не внешний облик, а то, как она работала. Впрочем, это слово звучит слишком уж буднично и прозаично. Мне казалось, что она не работает, а состязается с кем-то невидимым в ловкости и сноровке, не выполняет унылую служебную функцию, а участвует в какой-то увлекательной игре...

Да, я забыл сказать, что дело происходило в одном московском магазине, куда меня послали за продуктами. А она сидела за стеклянной загородкой, принимала деньги и на аппарате, напоминающем пишущую машинку, выбивала чеки. Но о боже, как она это делала!

Встречаются унылые личности, которые в храме искусства служат, как в погребальной конторе. Но есть и такие, кто, изо дня в день выполняя самую прозаическую работу, чувствует себя словно на празднике. Она, безусловно, принадлежала к последним.

К ней подходили разные люди—мужчины, женщины, молодые и совсем старые, излагали свои повседневные мелкие нужды.

— Два пакета молока.

— Четыреста граммов вологодского.

— Пачку сахара.

— Десяток котлет.

— Две баночки майонеза.

— Детских сырков. Четыре штуки.

— Пачку маргарина.

— Российского, двести пятьдесят граммов.

А она, чуть наклонив голову, выслушивала с еле заметной улыбкой, и ее пальцы проворно бегали по цифровым кругляшкам кассового аппарата, будто по клавишам пианино. Можно было подумать, что она исполняет хорошо знакомое и любимое произведение...

Я наблюдал за ней и не заметил ни одного случая, чтобы она переспросила покупателя или обратилась за справкой к продавцу. Видимо, не в пример другим кассирам она, прежде чем занять рабочее место, тщательно осмотрела все, что выставил сегодня магазин на свои полки, поговорила с продавщицами и теперь, ничем не отвлекаясь, сосредоточила внимание на покупателях. Мне даже показалось, что она пристально изучает каждого из них, с интересом ожидая, когда тот начнет говорить и она узнает, какая надобность привела его в магазин. Чтобы, мобилизовав свою феноменальную память, в считанные секунды получить деньги за товар и вручить покупателю чеки вместе со сдачей.

Не удивительно, что я зачастил в магазин «Продукты» и старался платить за покупки именно у нее — кассира-кудесницы. Мое увлечение не прошло незамеченным, и жена однажды поинтересовалась:

— Почему ты возвращаешься из магазина такой сияющий?

— Да понимаешь, там кассирша одна работает просто артистически! — признался я.

— Это уж не химическая ли блондинка с наклеенными ресницами и искусственной родинкой на щеке? — спросила жена.

Речь, несомненно, шла о ней, хотя я лично воздержался бы от таких рискованных формулировок.

— Она одурачивает покупателей, — категорически заключила жена.

Заявление супруги вызвало во мне бурный протест. А потом я призадумался...

И вспомнил нашего давнего университетского преподавателя, почти юношу. Он читал лекции по древней истории и никогда не пользовался конспектами. Даты знаменитых битв, возникновения и распада древнейших государств, рождений и смертей исторических деятелей так и сыпались из уст лектора. Его эрудиция вызывала наше горячее восхищение. Но однажды, решив проверить историка, мы тщательно записали одну его лекцию. И когда сверили с учебником, то пришли в ужас: ни одна дата не совпадала...

Неужели у моего нового кумира тот же порок: из ложного тщеславия кассирша безбожно путает цифры, но делает это столь артистически, что покупатели ничего не замечают? Требовалась проверка.

На следующий день после разговора с женой я, как обычно, продиктовал кассирше:

— За мясо — два пятьдесят, полкило колбасы по два девяносто, четыре пакета молока, пачку масла, триста граммов российского сыра.

Протянул десять рублей и получил четыре рубля четыре копейки сдачи. А домашний анализ показал, что с меня следовало получить 5 р. 86 коп. Кассирша недодала 10 копеек.

Не поверив себе, я на следующий раз повторил опыт. Набор продуктов был другой, а результат тот же: в полученной сдаче не хватало десяти копеек. Оказалось, это была ее система — недодавать покупателю гривенник, который ввиду малой значительности не отмечался в его сознании. Особенно при таком виртуозном, молниеносном обслуживании.

Я был ошеломлен. И тут же по аналогии вспомнил несколько историй о злодеях-кассирах. Одну, вычитанную в каком-то зарубежном еженедельнике: авантюрист-кассир, промотавший игрой в рулетку огромный капитал, довел до самоубийства президента и нескольких членов правления акционерного общества. А вторая история произошла на моих глазах. С рыбозавода, где работал мой отец, удрал кассир, прихватив все казенные деньги. Удрал на мотоцикле. Как ни странно, за беглецом не спеша отправились в погоню на довольно тихоходной лошадке. И настигли злодея в трех километрах от завода в полном отчаянии и с заглохшим мотоциклетным мотором. Не надо забывать, что события происходили пятьдесят лет назад: тогда положение с запасными частями к мотоциклетам было более плачевным, нежели сейчас.

И теперь для того, чтобы создать законченный портрет бывшей кудесницы, вдруг обернувшейся ко мне злодейской стороной своей натуры, не хватает двух штрихов: рокового выстрела и мотоцикла. В магазине, куда я по-прежнему иногда захожу, тихо. Никто не желает поднимать шум и пускать себе пулю в лоб из-за десяти копеек. А кудесница-злодейка каждый вечер, окончив работу, уезжает домой на пятнадцатом троллейбусе. И вообще я начинаю сомневаться, может ли кассирша из магазина «Продукты» иметь собственный мотоцикл...

ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ

Крокодильская международная газета. Выходит довольно регулярно.

Ананас в цистерне

От нашего специального корреспондента Льва Скамейкина.

В Солсбери, столицу Родезии, меня привела таинственная история с ананасами.

Знакомый журналист — его имя я по вполне понятным причинам утаю — рассказывал мне в кафе за бокалом оранжада.

— Понимаешь, наш премьер Ян Смит свихнулся на ананасах. Он закупает их за границей в невероятных количествах.

— Ну, что же, ананас — вкусный, высоковитаминозный продукт. По обилию фруктозы, глюкозы, сахарозы...

— Знаю, знаю, но ананасы в Родезию поступают железнодорожными составами, а в магазинах между тем ты не заметишь никакого ананасового обвала. Куда же они деваются? Остается предположить, что их уминает в одиночку сам премьер.

— Хм, боюсь, что даже с аппетитом Гаргантюа человек не способен пропустить сквозь свой кишечно-желудочный тракт железнодорожный состав фруктов.

— Конечно. И еще одна тайна в этой истории: ананасы поступают из ЮАР в нефтяных цистернах.

— В цистернах? Да еще в нефтяных?! Я думаю, самое правильное будет пойти сейчас на станцию Солсбери-товарная и заглянуть в цистерны,— предложил я.

Так мы и сделали.

Подъездные пути были забиты цистернами. Судя по их виду и запаху, я мог бы поклясться, что в цистернах нефть, но случившийся рядом железнодорожник любезно показал накладную — там значилось, что цистерны набиты ананасами и прибыли из Южно-Африканской Республики.

Мы не удержались, поднялись по лесенке и заглянули в люк — там плескалась нефть без признаков ананасов.

— Все ясно! — догадался я.— Организация Объединенных Наций осудила поставки горючего в Родезию, поэтому единомышленники Яна Смита из Южно-Африканской Республики снабжают его нефтью и бензином под этикеткой «Ананасы». Вот и вся тайна.

Так оно и оказалось.

Религия и жизнь

Молитва о бомбе

В священное писание давно уже пора вклеить список замеченных опечаток. В таком, например, духе: «Заповедь «не убий» следует читать как «убий». Вместо «возлюби ближнего своего» следует читать «возненавидь ближнего».

Идея внесения таких коррективов приходит в голову, когда знакомишься с делами и словами некоторых современных церковников.

Западногерманский иезуит Густав Грунлах заявил: «Атомная война ни в коем случае не противоречит принципам католической церкви, и ее нельзя назвать аморальной». А его протестантские соотечественники идут в этом вопросе еще дальше. Служба печати «Евангелишер прессединст» объявляет: «Атомная бомба — это карающий меч в руках божьих».

А в Ливане католический пастырь, преподобный отец Шарбель Кассис во главе банды головорезов собственноручно палил из автомата в палестинских стариков и женщин.

А в Северной Ирландии...

Да что там говорить: похоже на то, что святая церковь поставила крест на своем основополагающем документе. Аминь.

Западногерманская авиастроительная фирма «Мессершмитт—Бёльков—Блом» охотно поставляет вертолеты чилийской хунте. Таким образом «Мессершмитт» остается верен своим прежним симпатиям к фашизму.

НОВАЯ МОДЕЛЬ СО СТАРЫМ ДВИГАТЕЛЕМ — *Рисунок Л. САМОЙЛОВА.*

Гулящее лобби

Когда в Вашингтоне затих скандал вокруг любовных похождений полдюжины гуляк-конгрессменов, их не менее проказливые коллеги с облегчением перевели дух — пронесло... Но, как выяснилось, они рановато обрадовались.

На горизонте появилась грозная мисс Марго Джеймс, президентша Лиги борьбы за гражданские права проституток (ЛБГПП). Мисс Марго Джеймс предупредила клиентов с Капитолия, что дюжина ее товарок при необходимости может в подробностях поведать прессе о любовных забавах еще ряда законодателей. В качестве отступного госпожа президентша потребовала, чтобы конгресс официально легализовал проституцию. Так что, вполне вероятно, вскоре в кулуарах конгресса появятся постоянные представительницы гулящей профессии для оказания давления на законодателей. А почему бы и нет? Есть же лобби военно-промышленного комплекса, есть сионистское, будет и гулящее лобби.

Однако разоблачительный азарт мисс Джеймс не ограничился одним лишь конгрессом. Она пригрозила скандальным разоблачением даже ...Центральному разведывательному управлению. Как сообщает «Вашингтон пост», ЦРУ содержит квартиры для «сексуальной обработки» лиц, которых требуется скомпрометировать. С помощью микрофонов и даже киноаппаратуры, вмонтированной в кровати и диваны, ЦРУ создает звуковые цветные фильмы с бирочками «совершенно секретно». А трудятся в этих квартирах на благо секретной службы все те же подружки Марго Джеймс.

Чего домогается Лига борьбы за гражданские права проституток от шпионской конторы, пока неизвестно. Может быть, присвоения званий «резиденток с почасовой оплатой»?

EUROPE — OCTOBER 11, 1976

TIME

Britain's Breathtaking Balancing Act

Рискованный аттракцион

Британский фунт стерлингов в плачевном состоянии. Его чинят, латают, подвязывают, а он все равно еле дышит. Бодрые, оптимистические прогнозы не сбываются. В горестном состоянии английской экономики немалую роль играют военные расходы, навязанные ей заправилами НАТО. И хотя, казалось бы, бестактно смеяться над горем друга и союзника, американский журнал «Тайм» поместил на обложке прехидную карикатуру под названием: «Британский цирковой трюк, от которого дух захватывает».

Происшествия

Кулачное право

Мировой судья из американского городка Коллингтона сам предстал перед судом за то, что разрешил тяжбу на редкость быстро и в обход всех юридических формальностей — своими кулаками. Суд, на заседание которого истец прибыл непосредственно из больницы, приговорил судью, сторонника кулачного права, к 50 долларам штрафа. Обвиняемый судья не выказал большого раскаяния, пробормотав сквозь зубы:

— Если бы я раньше знал, что дело закончится пятьюдесятью долларами, я бы ему вдарил посильнее...

Коренное население южноафриканских стран все шире разворачивает борьбу против расистских режимов в ЮАР и Родезии. Белые фермеры спешно превращают свои хозяйства в настоящие форты. По сообщению итальянского журнала «Эпока», многие белые родезийцы устанавливают перед своими домами решетки для защиты от гранат, распахивают полосы «ничейной земли», протягивая вдоль них колючую проволоку. Английская газета «Гардиан» в репортаже из Намибии сообщает, что белые фермеры расчищают пространство вокруг своих домов, устанавливают орудийные башни с прожекторами. На многих фермах эти башни сообщаются с домами подземными ходами.

В наши руки попал дневник фермера Джорджа Рупмунда, отрывки из которого мы печатаем ниже.

ФЕРМЕР НА БАШНЕ

7 июля. Закончили сооружение подземных ходов от свинарника и конюшни к дому. Я хожу по ним с удовольствием, животные — нет. Особенно упрямятся свиньи, не понимая, очевидно, как много значат бетонные плиты над головой. Вообще мне кажется, что свиньи совершенно лишены патриотизма.

Маленький мой сын спросил, скоро ли мы вообще перестанем появляться на поверхности земли. Долго думал над его вопросом, серьезно ли он меня спросил или с иронией. Похоже, что с иронией. Выпорол.

12 июля. Сегодня лишился трактора. Мой старший сын, дежуривший на башне, задремал, и ему показалось, что трактор, работавший на поле, — это машина террористов. Он быстренько развернул пушку и со второго снаряда подбил машину. Очень жалко трактор, но в душе горжусь Ричардом. Из него вышел прекрасный защитник нашего белого образа жизни.

Приходила вдова негра, погибшего на тракторе. Объяснил ей, что ее муж погиб за правое дело. Глупая женщина не поняла и повысила голос на меня. Выпорол.

16 июля. Ночь провели в подземном убежище: с соседней фермы передали по радио, что видели в окрестностях партизан. Дочь долго не хотела лезть под землю. У нее, видите ли, назначено свидание с Колином, сыном начальника нашей местной полиции. «Назначь ему свидание в подполе, — сказал я ей, — это намного безопаснее». «Да, но это не так романтично. Свидание без луны — это не свидание», — ответила она мне. «Ничего, — сказал я, — бетон над головой лучше луны. Луна от партизан не защитит». Негодяйка грубо ответила мне. Выпорол.

22 июля. Снова в окрестностях замечены партизаны, и мои люди отказываются работать на полях. Прикинул, можно ли использовать танки для сельскохозяйственных работ. Трудно, но можно. Связался с властями, но, к сожалению, получил отказ. Танки, говорят, нужны для защиты нашего образа жизни, а не для транспортировки удобрений. Все утро раздумывал: может быть, стоит купить себе собственный танк или два.

Вообще у нас в правительстве свиньи. Вполне могли бы прислать мне батальон, который отлично управился бы с сельскохозяйственными работами.

25 июля. Говорят, что у партизан появились снайперы. Придется передвигаться по ферме только ночью и ползком, поскольку не все еще удалось перенести под землю. Ах, если бы можно было выращивать урожай в подземелье, как шампиньоны! Нужно обдумать этот вариант.

Собрал весь свой штат и приказал отныне передвигаться только ползком, привязав к телу пучок веток, дабы походить на куст. Дочь заявила, что не собирается ползать на свидание, да еще с привязанным веником. «Это не романтично», — сказала негодяйка. Выпорол. Жена попробовала остановить меня. Выпорол.

3 августа. Получил сегодня две дюжины свирепых овчарок. Собакам в наши дни доверять проще, чем людям. Собаки действительно свирепые. Одна даже бросилась на меня. Выпорол.

5 августа. На ночь спустили всех собак, а утром черный, смотревший за ними, не пришел. Сидим дома, не можем высунуть носа. Только подходишь к двери, эти исчадия ада начинают так щелкать зубами, что кровь стынет в жилах.

Перешли по подземному переходу в артиллерийскую башню. Собаки окружили ее. К сожалению, пулемет зону непосредственно вокруг башни не простреливает. Настроение ужасное. Выпороть некого.

На этом дневник обрывается. Дальнейшая судьба фермера неизвестна. Есть сообщения, что он до сих пор сидит на башне, но они вызывают сомнения. Вряд ли он мог высидеть так долго, лишенный возможности выпороть кого-нибудь...

З. ЮРЬЕВ.

для тружеников

По законам торговой этики продавцу не положено интересоваться судьбой проданного товара. Будет ли покупатель холить свежеприобретенных золотых рыбок в аквариуме или же поджарит их на сковороде с картошечкой — это сугубо его потребительское дело.

Но и у законов этики, как у каждого правила, есть исключения. Если пьяная, рассвирепевшая личность вбегает в магазин хозтоваров с воплем: «Топор мне, топор!»,— то продавцу не следует, согнувшись в полупоклоне, спрашивать: «Вам завернуть или здесь рубать будете?» Иногда даже самый вежливый продавец должен твердо отказать: «Есть, но не про вашу честь».

Впрочем, не все согласны с таким исключением из правила. Англия, страна классически вежливых продавцов, отпустила за наличный расчет бандитам из чилийской хунты две подводные лодки, не спрашивая, «для чего и против кого?». Вот что значит такт и воспитанность!

Строгим моралистам, которые ворчат по поводу сделок с Пиночетом, власти советуют внимательнее почитать журнал «Лейбор уикли» — там, мол, все объясняется. И действительно, министр обороны Англии разъясняет в журнале, что военная промышленность страны, оказывается, трудится... на благо простых тружеников! Если наши верфи откажутся от военных заказов, пишет министр, без работы останутся 25 тысяч судостроителей. То же самое с авиастроением. Отказ от производства, к примеру, истребителя-бомбардировщика «Торнадо» повлек бы ликвидацию 24 тысяч рабочих мест.

Ну кто бы мог подумать, что гонка вооружений и торговля оружием объясняются просто-напросто трогательной заботой о простых тружениках!

А теперь представим себе, что и западногерманские неофашисты последуют примеру своих чилийских единомышленников и тоже заявятся в Лондон, чтобы произвести кое-какие закупки в британских военных арсеналах. Приходит, допустим, фюрер западногерманской «национал-демократической» партии (НДП) герр Мартин Мусгнуг к высокопоставленному британскому продавцу оружия и говорит:

— Партия НДП уполномочила меня закупить у вас эскадрилью бомбардировщиков.

— Я счастлив это слышать! Тем самым мы здесь одержим еще одну важную победу над безработицей.

— Вот и чудесно! А нам, нео-наци, эти бомбардировщики нужны для...

— Можете не продолжать, герр Мусгнуг. Как вы будете использовать бомбардировщики, это ваше глубоко личное дело.

— И все-таки на всякий случай хочу предупредить, чтобы дальнейшее не было для вас неожиданностью. Наш обожаемый предтеча Адольф Гитлер, ну, как бы это получше выразиться, недобомбил, что ли, Англию. И мы, члены партии НДП, решили завершить начатое фюрером дело.

— Но учтите...

— Да-да, я вас понял с полуслова! Ваши военные заводы мы пощадим, чтобы не уничтожать рабочие места. Так что ваши труженики смогут без помех продолжать выпускать для продажи новые бомбардировщики, танки, подлодки. Мы разбомбим лишь гражданские объекты — жилые дома, музеи, соборы. Подумайте, как это будет прекрасно с точки зрения борьбы с безработицей. Как расцветет строительная промышленность! Сколько новых рабочих рук вам понадобится для разборки руин!

Неужели и эта сделка состоится?

В. МАРКИН.

ЦРУ

ТАИЛАНД

НОВОИСПЕЧЕННАЯ ХУНТА — *Рисунок М. АБРАМОВА*

— Отдай ребенку его гербарий.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА.

А. ПИВОВАРОВ

Потустороннее...

Не столь давно в общежитии № 7 Красноярского химкомбината как бы прозвучали первые такты похоронного марша. Пропал бесследно слесарь указанного предприятия Николай Ерофеевич Шишаганов. И после продолжительных и бесплодных поисков друзья пропавшего, жильцы общежития, пришли в городской морг.

— Гля,— вдруг сказал один жилец другому,— это же вылитый наш Коля!

— Во жуть! — едва держась на ногах, реагировал другой.

— Сколько лежит? — заикаясь, спросил первый.

— Трое суток,— ответил работник зловещего учреждения.

Жильцы, держась друг за дружку, чтоб не упасть, склонились над усопшим, пролив полагающуюся в таких случаях горючую слезу. Но потом резонно решили, что одними слезами горю не поможешь.

— Алло! — стал звонить первый по телефону.— Нам коменданта общежития Коровкину. Екатерина Андреевна? Коля Шишаганов,— шмыгая носом, произнес он,— безвременно ушел от нас. Как? Умер он. Лежит в морге уже трое суток!..

— Ах! — откликнулась на другом конце провода Екатерина Андреевна.— Хоронить ведь надо!

Далее события развивались по установившемуся печальному порядку. Комендант Коровкина позвонила председателю цехкома химкомбината тов. Л. А. Сапрыкиной. Та слыла очень участливой женщиной и целиком подтвердила эту репутацию.

— Евгений Родионович,— скорбно склонив голову, обратилась она к начальнику цеха тов. Федоренко,— от нас ушел слесарь Шишаганов. Оказалось, мы незаслуженно считали, что он третий день пьет. В морге он лежит. Трезвый, как стеклышко.

Евгений Родионович, будучи человеком степенным, все делал обдуманно, без суеты и спешки. Помозговав несколько минут, он задал председателю цехкома практический вопрос:

— Деньги в цехкоме есть?

— На плохое дело нет, а на это найдутся,— отвествовала Любовь Арсентьевна.

— Похоронить с почестями,— сказал руководитель цеха.

Создали похоронную комиссию. Цехком не скупердяйничал: купили новый, с иголочки костюм, красивую рубашку. В общем, приобрели все, что полагается.

Под слезы и причитания отнесли слесаря в последний путь. Перед тем как каждый бросил в могилу по горсти земли, произнесли о Николае Ерофеевиче теплые, идущие из глубин сердца слова. Слышал бы штатный прогульщик, кавалер всех имеющихся выговоров, каким он был незаменимым и положительным работником, он восстал бы от удивления и побежал на работу, чтобы оправдать эти слова. Короче, не скупясь ни на слезы и ни на материальные жертвы, оплакали, справили поминки. Терпеливо принялись ждать сороковой день, чтоб вновь встретиться и помянуть слесаря...

Но через три дня Шишаганов, самолично явившись в общежитие, закатил скандал коменданту Коровкиной за то, что его похоронили раньше времени.

— Меня,— кричал он,— не надо закапывать наперед! Пусть даже с почестями! Я жить хочу! Получать зарплату и пить рассыпное вино.

Далее «покойный» отправился сводить счеты с главой похоронной комиссии тов. Бойко. И хотя тот числился мужественным человеком, но все равно убоялся отвечать на вопросы вернувшегося с того света слесаря. А в цехе, конечно, раздался смех. И тогда, чтобы «воскресший из мертвых» не подрывал трудовую дисциплину, его уволили. Законное основание для этого все-таки было: прогулы.

— За что же,— спрашивал в слезах слесарь коменданта Коровкину,— похоронили меня, живого человека?

— Очень просто! — удивилась непонятливости слесаря Екатерина Андреевна.— Пять дней вы не появлялись на работе. А тут наши зашли в морг. А там лежал человек. Очень похожий на вас. С бородкой, как у вас. И татуировка на руке: «Коля». Чего ж еще? Похоронили. Думали как лучше. А потом вы заявляетесь, как из-под земли! Да, документы ваши уничтожили, а трудовую книжку отправили вашей тете... Простите, если можете!

Любовь же Арсентьевна, то есть председатель цехкома, сказала так:

— Наше дело — о человеке заботу проявить. Вы же сирота были... В общем, сто рублей псу под хвост. Вам что — вы живой. В модных туфлях ходите, а товар назад выкупить не хотите. Как мне теперь его списать?

И тогда как бы отзвуком похоронного марша настал финальный аккорд.

Поздним вечером в дверь слесаря Н. Е. Шишаганова постучали.

— Кто там? — настороженно спросил Николай Ерофеевич.

— С работы,— стыдясь, произнесли за дверью.— Коллеги ваши.

В чуть приоткрытую слесарем дверь коллеги сунули записку следующего содержания:

«Уважаемый тов. Шишаганов! Просим немедленно возвратить цехкому деньги, израсходованные на ваши похороны».

Далее педантично указывался ассортимент похоронного товара: тапочки, штаны с пиджаком, ситец и новенькая рубашка. Против каждого товара была проставлена законная магазинная цена.

Николай Ерофеевич еще раз внимательно прочитал цехкомовскую просьбу и демонически захохотал.

— Ну, я-то хоть пьяный был,— трезво оценил он происшедшее,— а они?

Пышущий здоровьем сорокалетний слесарь был прав ровно наполовину. Разумеется, инициатива исходила не от него. С другой же стороны, и местком был как бы на высоте. Так что, наверное, ничего никому не остается, как морально пойти друг другу навстречу...

Улыбки разных широт

— Перед вами, сэр, самая высокая гора в нашем штате.

— А что, существуют, наверное, какие-нибудь легенды, предания, связанные с этим местом!

— Сколько угодно! Двое влюбленных, например, однажды взобрались на эту гору и больше сюда не вернулись.

— Интересно. И что же, они бросились в ущелье!

— Нет, они спустились с другой стороны.

●

Муж и жена выходят из церкви.

— Я заметила, что ты бросил в кружку для пожертвований пять тысяч лир.

— Ну и что!

— Хотела бы я знать, какой грех ты совершил, чтобы так много давать.

●

— Я ж вам говорил: снижайте скорость на ухабистой дороге!

«Гардиан», Англия.

Васил ЦОНЕВ (Болгария)

Как я стал директором

Кто знает, может быть, я всю жизнь оставался бы заместителем директора. И не потому, что не хватало у меня таланта, энергии и прочих необходимых качеств. Просто директор был талантливее, энергичнее и опытнее меня. Так что путь у меня был один: любыми путями нужно было отделаться от моего шефа. Но как? Даже анонимные письма — изящный метод — увы! — не оставляли следа... Директор процветал, дождь клеветы стекал с его лепестков.

И вот тут в моем кабинете возник один гражданин.

— Возьми меня на работу, — сказал он, —возьми, и я сделаю тебя директором. Назначь меня на любую должность.

— Откуда ты знаешь, что я хочу стать директором?

— От твоей мамы.

— А откуда знает она?

— Ты психуешь и говоришь во сне. Она обратилась к доктору. А этот доктор — мой брат.

Я посмотрел на гражданина. Он стоял выпрямившись и улыбался. Он говорил мне «ты», а я по опыту знал, что такие люди способны на все.

Я кивнул головой.

— Но при одном условии, — предупредил меня гражданин. — Когда ты станешь директором, назначишь меня своим заместителем.

Я вновь в знак согласия кивнул головой. Я ведь ничего не терял.

Целый месяц гражданин проработал у нас тихо-спокойно. А потом принялся за дело. На одном из собраний, когда наш директор вошел в дверь полного зала, гражданин вскочил с места и начал бурно рукоплескать. Сидевшие в зале удивленно оглянулись, но когда увидели, что я тоже аплодирую, захлопали в ладоши. Директор сначала смутился, потом добродушно махнул рукой, и собрание началось.

Спустя несколько дней, когда директор где-то подцепил грипп, гражданин прошелся по всей нашей канцелярии и сделал замечание кое-кому из молодых сотрудников, смеявшихся над очередным анекдотом:

— Товарищу директору плохо, а вы тут ржете. Радуетесь, небось? А?

В обеденный перерыв все раскрыли рты от удивления, когда услышали по местному радиовещанию бюллетень о состоянии здоровья нашего директора, узнали вечернюю и утреннюю его температуру, прогнозы врачей, а также имена двух наших профсоюзных активистов, навестивших товарища директора и поднесших ему цветы. Радиосообщение завершилось призывом:

— Пусть же все мы, как один, выразим нашу любовь товарищу директору, навестим его и пожелаем скорейшего возвращения к исполнению его обязанностей! Создана комиссия для сбора некоторой суммы в целях приобретения ему подарка. Взносы добровольные, как минимум два лева с каждого!

Директор был растроган. Даже прослезился.

А потом игра гражданина стала, как говорят шахматисты, менее корректной. Он бегал из комнаты в комнату и просто терроризировал коллег.

— Ты что отрастил такие лохмы на голове? —пристал он к молодому делопроизводителю. — Издеваешься над товарищем директором? Да?!

Мы все и раньше замечали, что наш директор плешив, но никому не приходила мысль, что по этому поводу все должны брить головы наголо.

На одном из следующих собраний гражданин при появлении директора за столом президиума вскочил и стал скандировать его имя, отчество и фамилию. Никто не засмеялся. Все стали скандировать вслед за ним. Директор пытался воспрепятствовать этому, но гражданин заревел еще громче, а мы все старались перекричать его.

На следующий день вышла учрежденческая стенгазета, целиком посвященная жизни и деятельности нашего директора, начиная с раннего детства и до наших дней. Над всей стенгазетой был начертан лозунг:

«БУДЕМ ТАКИМИ, КАК ОН!!!»

Это было каплей, переполнившей чашу. Комиссия из министерства внимательно изучила стенгазету, опросила сотрудников нашей конторы, и наш директор был перемещен на другую работу со строгим предупреждением за создание нездоровой атмосферы подхалимажа и угодничества вокруг его личности.

Директором был назначен я.

— Ну-с, а теперь, — потер руки тот гражданин,—теперь тебе остается только подписать приказ о назначении меня своим заместителем!

— Нет! — твердо сказал я. — Вы увольняетесь за создание нездоровой атмосферы подхалимажа вокруг личности бывшего директора. Вы свободны!

Перевел Г. КОФМАН.

Девушка из Нью-Йорка, проводившая каникулы в деревне, пожаловалась фермеру на быка, который очень свирепо разглядывал ее.

— Должно быть, это из-за вашей красной блузки,— сказал фермер.

— Боже мой! — воскликнула девушка.— Я-то, конечно, знаю, что она ужасно старомодная, но мне и в голову не пришло, что это может заметить деревенский бык!

●

— Уже год я не разговариваю со своей женой.

— Почему!

— Не хочу ее перебивать!

●

«Дикобраз». Чехословакия.

«Бостон глоб», США.

— Как, вам до сих пор не нашли стула?

«Уикэнд», Англия.

Мирослав ШВАНДРЛИК (Чехословакия)

Как мы беседовали

Выхожу я на днях на крыльцо и вижу своего соседа Жухту в не совсем обычном положении: висит, ухватившись за желоб на крыше, ногами болтает, носом обтирает штукатурку и при этом пыхтит, словно марафонец.

— Решили, значит, сами крышу чинить, сэкономить, так сказать, на мастере? — рассудительно говорю я так, чтобы соседу было слышно.

— Не болтайте и принесите мне лестницу, — просит Жухта, — а то я вишу уже минут десять, руки аж занемели.

— Для человека в вашем положении не очень-то вежливо вы разговариваете, — говорю я. — Или вы думаете, что раз вы наверху, так можно всем приказывать, ха-ха...

Но я уже не раз убеждался, что у Жухты полностью отсутствует чувство юмора. Вот и сейчас он совершенно не оценил шутки, только ногой дернул.

— Вы обязаны помочь гражданину, попавшему в опасное положение, — шипит Жухта.— Это закон. Не поможете — по судам затаскаю!

— Вообще-то вы правы, но дело в том, что я вас не видел, потому что не выходил из дому, сейчас как раз хоккей передают. Так как же вы докажете, что я вам не помог? Тем более что нас никто не видит.

— Ладно, — говорит Жухта, пытаясь сделать голос более мягким, — не будем спорить. Подайте мне лестницу, сил больше нет висеть, а подо мной четыре метра...

— А вы помните, что вы сказали мне, когда я упал в колодец и вы заметили это? Вы сказали, что холодные ванны очень укрепляют здоровье, и ушли. Два часа я барахтался.

— Если бы вы не украли у меня капусту, я бы не заставил вас бултыхаться в колодце...

— Э, как у вас все просто получается! Да мне и в голову не пришло бы красть вашу паршивую капусту, если бы вы не отравили мою кошку!

— Если бы вы не включали свой телевизор на полную мощность, я бы и смотреть не стал на вашу кошку!

— Ха! Телевизор! Вы бы лучше вспомнили, как вы распевали во все горло в пять часов утра!

— Подайте же мне лестницу, черт вас побрал! Я падаю!

— Не возражаю. Кстати, я рассчитал, что вы упадете на свою клумбу с анютиными глазками. Жалко цветочки...

— Негодяй!—крикнул Жухта. Желоб с треском отломился, и он шлепнулся на клумбу.

— Ну вот, теперь мы в расчете, — сказал я.

Перевела Евг. БЕРЖ.